

НОВАЯ
РУСИСТИКА
№ 2 / 2022 (XV)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
И АРЕАЛЬНОЙ РУСИСТИКИ

BRNO

ČESKÁ ASOCIACE SLAVISTŮ VE SPOLUPRÁCI

S FILOZOFICKOU FAKULTOU MASARYKOVY UNIVERZITY

Studie v rubrice Статьи prošly recenzním řízením.

Přijímání příspěvků, jejich úprava a recenzování se řídí pravidly pro přispěvatele:
www.phil.muni.cz/journals/novaya-rusistika

Za jazykovou správnost a kvalitu obrazových příloh odpovídají autoři.

Plné texty článků jsou dostupné v Digitální knihovně FF MU:
digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/115644

Časopis Новая русистика je indexován v mezinárodní databázi ERIH PLUS.

Содержание

Статьи

Людмила Владимировна Валова

Новый день — новая жизнь (к вопросу о роде имен существительных с мягким знаком на конце) 5

Новый день — новая жизнь (on the Subject of the Gender of Nouns with a Final Soft Sign)

Герман Мейстер

Русский Викисловарь как лексикографический проект 21

The Russian Wiktionary as a Lexicographical Project

Lenka Odehnalová

Současná ruská literatura a její česká recepce z perspektivy rusistických periodik . . . 39

Contemporary Russian Literature and its Czech Reception in Periodicals on the Russian Studies

Современная русская литература и ее чешская рецепция с точки зрения периодических изданий по русистике

Маргиналии

Гигла Джинджолия

Понимание сна в русских пословицах и поговорках 49

Владимир Звиняцковский

Русистика и война с Россией: синдром Karpe 59

Рецензии

«Подлинная история Анны Карениной» Басинского: рекомендация для уютного чтения (Г. Павловская) 71

Dostojevskij: pro, nikoli proti (I. Pospíšil) 74

Publikace zaplňující mezeru (J. Šaur) 80

Информаторий

Odešel doc. PhDr. Aleš Brandner, CSc. (31. 12. 1944 – 1. 3. 2022) (H. Flídrová, Z. Vychodilová) 85

Алла Владимировна Злочевская: жизнь как подвиг (А. Шешкен) 86

Tři zastavení s Jaroslavem Vávrou (21. 3. 1930 – 27. 8. 2022) (M. Odarčenko) 88

Památce Sergeje Makary (I. Pospíšil) 89

Новый день — новая жизнь (к вопросу о роде имен существительных с мягким знаком на конце)

Новый день — новая жизнь (on the Subject of the Gender of Nouns with a Final Soft Sign)

Людмила Владимировна Валова
(Пльзень, Чешская Республика)

Abstract:

The grammatical gender of Russian substantives with a soft sign at the end not after sibilants is a “risk zones” not only for foreigners, but also for native speakers. The article describes the formation of a scientific and methodological concept of writing a soft sign at the end of nouns. The author identifies a number of noun models based on final letter combinations. In the author’s opinion, some models tend to a masculine or feminine nouns. The most problematic are the patterns in *-аль, -ель, -оль, -ень, -рь*, for which it is difficult to speak of any grammatical preference.

Key words:

gender of nouns; soft sign; risk zones; textbooks on Russian as a foreign language

Введение

Родовая принадлежность имен существительных с мягким знаком на конце представляет проблему не только для иностранцев, изучающих русский язык, но и для носителей языка. В научно-методической литературе обычно обращается внимание на существительные с мягким знаком / без мягкого знака на конце после шипящих, типа *лещ* (муж. род) — *вещь* (жен. род), вопрос же о грамматическом роде остальных существительных с Ь на конце, как

правило, остается в тени. Носителям русского языка при решении вопроса о родовой принадлежности существительных, как правило, помогает языковое чутье. Отвечая на вопрос — «мой или моя?», они решают, что *щавель, шампунь, табель* и др. — *мой* (муж. род), а *модель, степень, ступень* и др. — *моя* (жен. род). Грамматический род также можно проверить, сравнивая формы родительного падежа единственного числа: например, *щавеля, шампуня, табеля* (муж. род) — *модели, степени, ступени* (жен. род). Однако эти приемы вряд ли можно использовать на занятиях по русскому как иностранному, по крайней мере на начальном этапе обучения, когда у студентов еще не сформирована языковая интуиция и они пока «не чувствуют» грамматических нюансов.

Знакомство иностранцев с родовой дифференциацией имен существительных происходит в самом начале изучения русского языка, то есть на уровне А1. Естественно, степень проникновения в данную грамматическую тему зависит не только от уровня знаний, профиля обучения, но и от цели, стоящей перед студентами. Если учащийся заинтересован лишь в разговорной практике, то, по сути, он и не обязан осознавать все принципы грамматической системы, его задача — усвоить основные практические навыки, которые ему позволят понимать и быть понятым в процессе коммуникации. Такая мотивация может быть руководящей и для некоторых людей, самостоятельно изучающих русский язык в своих личных целях, и для экспатов, которые обучаются, как правило, на кратковременных языковых курсах [KREMENECKAJA 2018, 141]. Для такой аудитории необходимым и достаточным можно считать овладение основными моделями склонения существительных. Логика распределения имен существительных по трем родам вряд ли будет интересовать учебную аудиторию, ориентированную исключительно на практическое применение языка. В то же время есть категория иностранных студентов, для которых изучение русского языка связано с их профессией. Для таких учащихся постановка проблемных грамматических вопросов является не чем-то избыточным, а напротив — жизненно необходимым: ведь выпускникам, например, филологических или педагогических факультетов в будущем предстоит не только самим использовать, но и объяснять данный грамматический материал своим ученикам.

Научно-методическая концепция распределения существительных на Ъ по родам

С тем чтобы понять современное состояние данной грамматической проблемы, обратимся к нескольким русским грамматикам XVIII–XIX вв. и постараемся выяснить, каким образом формировалась научно-методическая концепция,

объясняющая родовую принадлежность имен существительных с мягким знаком на конце.

Буквы русского алфавита Ъ (ерь) и Ь (ер) прошли долгий путь от обозначения определенных гласных звуков до букв, называемых «полугласными» и даже «безгласными», то есть не обозначающих никакого звука, однако имеющих определенные языковые функции. Так, буква ерь, называемая сегодня мягким знаком, выработала свои «смягчительные» свойства приблизительно к XVIII веку [KAMYNINA 1997]. Параллельно с этим процессом шло и упорядочение грамматических характеристик существительных с этой буквой на конце. Несмотря на «давность» и в то же время актуальность для современного русского языка отмеченных языковых процессов, следует признать, что на эту тему существует не так много исследований [JAKUBOVA, G. Ch., JAKUBOVA, M. M., SAFOLOVA 2014; KAMYNINA 1997, 1998; KREMENECKAJA 2018]. В этой связи особый интерес представляют классические русские грамматики, фиксирующие основные этапы, которыми проходили т. н. еры прежде, чем стали осознаваться как современные мягкий и твердый знаки.

Вопрос о родовой принадлежности существительных с «безгласной» Ъ на конце решается М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике» следующим образом: «[...] на Ъ окончание имеющие суть рода женского: добродетель, любовь, кровь, осень, плесень, ярость, жесть, пыль, пядень, речь, сажень, сарынь, свирь, тень, селдь, свирель, соль, слякоть, степь, стерлядь. Выключаются имена, до мужского пола надлежащие: повелитель, избавитель, строитель, бобыль, также и следующие: волдырь, вебрь, вехоть, вязель, глаголь, гоголь, грачь [...]». Обширный список существительных мужского рода (61 пример), таким образом, следует рассматривать как исключения из правила [LOMONOSOV 1775, 63–64].

Н. Г. Курганов вслед за Ломоносовым буквы Ъ и Ь называет «безгласными», так как они «[...] не только сами собой, но с каждой согласной отдельно не произносятся. В словах же к согласным приставлены, Ь дебелое, Ъ тонкое окончание делают: как *частЪ, часть; кровЪ, кровь; перстЪ, персть*» [KURGANOV 1769, 4]. Ученый также относит существительные на Ъ к женскому роду: «*любовь, твердь* и пр. выключая мужские имена *Царь, любитель, учитель, пастырь* и пр., также и оные *вебрь, куль, якорь, огонь, путь, вопль, уголь, кличь, олтарь* и пр.» [KURGANOV 1769, 10].

В грамматике А. А. Барсова по отношению к ерам используются термины «безгласные» и «припряжногласные» [USPENSKIJ 1981, 44]. Буква Ъ показывает «тонкий звук согласной», в то время как Ь — «дебелый звук». По утверждению ученого, буква Ъ обладает спецификой: ее использование, в отличие от Ь, на конце слов является обязательным, по той причине, что ерь обозначает мягкие

согласные [USPENSKIJ 1981, 53–54]. Барсов утверждает, что род существительных зависит от «знаменования» (значения) и окончания. Существительные с Ъ на конце, например: *добродетель, ложь, рожь, речь, вервь, любовь, кровь, осень, плесень, ярость, желчь, жесть, пыль, пядень, сажень* и т. д., он также априори относит к женскому роду [USPENSKIJ 1981, 96]. Существительные же мужского рода, среди которых особо оговариваются названия месяцев (*январь, февраль, апрель* и т. д.), даются им как исключения. По сути, это первая исследовательская попытка связать родовую характеристику существительных с Ъ на конце с их лексической семантикой.

Н. И. Греч в своей практической грамматике категорию рода имени существительного рассматривает весьма обстоятельно. Особо оговаривается тот факт, что род одушевленных существительных зависит от пола, а род остальных определяется окончанием: «[...] кончающиеся на *ъ, ѣ* и *ь* суть рода мужского (*домъ, сарай, червь*); на *о* и *е*, среднего (*село, поле*); на *а* и *я*, женского (*книга, доля*)» [GREČ 1827, 28]. Как видим, Ъ наряду с Ъ, по мнению Греча, является признаком мужского рода. В грамматике приводится большое количество примеров и дается целая классификация существительных мужского рода с Ъ на конце: 1) наименование месяцев: *январь, февраль, апрель, июнь, июль* и т. д.; 2) наименования городов и пр., кончающиеся на -поль: *Севастополь*, а также происходящие от притяжательных прилагательных: *Ярославль* (т. е. *Ярославовъ*), *Екатеринославль* и некоторые другие: *Алатырь, Анадырь, Ильмень, Кремль* и др.; 3) следующие имена: *агарь, алкоголь, алтарь, апостиль* и др. (более 250 примеров). Весьма ценным является следующее примечание: «Для удобнейшего удержания сих имен в памяти, должно заметить, что в числе их нет ни одного, означającego предмет отвлеченный». При характеристике существительных женского рода с Ъ на конце Н. И. Греч отмечает абстрактный характер многих из них, а также некоторые формальные признаки: «-*знь, -сть, -жь, -чь, -щъ*: например: *жизнь, честь, радость, дрожь, мочь, помощь*» [GREČ 1827, 29–31]. Таким образом, Н. И. Гречем была сделана попытка выявить как семантические, так и формальные признаки существительных с Ъ на конце, относящихся к тому или иному грамматическому роду.

Особое внимание на формальные признаки существительных с Ъ было обращено в грамматике А. Х. Востокова. Ученый приводит значительный список конечных буквенных сочетаний существительных мужского рода: *-ень, -аль, -ель, -иль, -ыль, -оль, -уль, -вль, -бль, -мль, -арь, -ерь, -ирь, -ырь, -орь, -дь, -ть, -зъ* [VOSTOKOV 1831, 14–16].

Ф. И. Буслаев при разделении существительных по родам также обращает особое внимание на конечные буквы: мужской род он противопоставляет женскому и среднему по невыраженности окончания [BUSLAJEV 1868, 131].

Описывая существительные женского рода с Ъ на конце, ученый отмечает их следующие особенности: 1) бессуффиксальные существительные, типа *лень, тварь, высь, глуть, ширь, прыть*; 2) имена с суффиксами причастий и «неопределенного склонения»: *по-да-ть, да-нь, пе-с-нь, чес-ть, печь (пек-ть), бы-ль, пад-а-ль*; 3) имена с суффиксом *-сть*: *стар-о-сть, свеж-е-сть* и т. д. Буслаев первым обратил внимание на склонность собирательных существительных, например: *знать, чернь, челядь*, к женскому роду [BUSLAJEV 1868, 136–137].

«Русская грамматика» В. Л. Фильпьева интересна прежде всего своей методической направленностью: она адресована учителям, преподающим русский язык в гимназиях. По мнению автора, при определении грамматического рода проблемных существительных можно опираться на дериваты: «При помощи уменьшительных (суффиксов) можно легко отличать мужеский род имен, кончающихся на *ь*, от женского рода имен, также кончающихся на *ь*, напр., *день — денёкь, гвоздь — гвоздикь, лошадь — лошадёнка, лошадка, площадь — площадка*» [FILIP'JEV 1878, 24]. Данный способ определения рода нельзя, конечно, назвать основным критерием при определении рода имен существительных на Ъ по той причине, что многие из них не способны присоединять подобные суффиксы, например: *тюль, щепень, клубень, лень, осень, жизнь, чернь, совесть* и т. д. Однако следует признать, что в отдельных случаях этот способ «работает», например: *рубель — рублик, ноль — нолик, корабль — кораблик, ладонь — ладошка, бутыль — бутылка, запись — записка* и др.

Таким образом, в первых русских грамматиках постепенно складывалась научно-методическая концепция, проводящая параллель между буквой Ъ на конце имени существительного и его грамматическим родом. Была выявлена определенная связь категории рода и лексической семантики имен существительных: к женскому роду тяготеют существительные абстрактные, а также обладающие собирательным значением, к мужскому — относятся названия месяцев, наименования определенных городов. Кроме того, был сделан акцент на некоторые формальные признаки (конечные суффиксы), помогающие отнести существительное к тому или иному грамматическому роду. Думается, что последний формальный критерий может явиться определенной опорой при решении вопроса о родовой дифференциации имен существительных на Ъ не после шипящих и сегодня.

Формальные показатели родовой принадлежности существительных на Ъ

В целях выявления формальных показателей грамматического рода имен существительных с мягким знаком на конце в современном русском языке

мы сделали выборку соответствующих примеров из грамматического словаря А. А. Зализняка [ZALIZNJAK 1987]. В ходе анализа материала было установлено, что можно говорить об определенных конечных буквенных сочетаниях, которые сигнализируют о принадлежности существительного к женскому или к мужскому роду. Были выявлены следующие закономерности между формальной стороной имени существительного и принадлежностью слова к тому или иному роду:

1. К женскому роду относятся имена существительные на **-бь**: *дробь, скорбь, глубь, прорубь, зыбь, зябь, рябь*; **-вь**: *любовь, нелюбовь, церковь, морковь, ность, бровь, кровь, вервь, ветвь, обувь, явь*; **-мь**: *тьмь, озимь, заумь*; **-пь**: *степь, цепь, напиль, оторопь, топь, поступь, сыпь, насыпь, россыпь*; **-сь**: *ипостась, смесь, примесь, спесь, ересь, перекись, двуокись, запись, перезапись, надпись, подпись, перепись, живопись, рукопись, машинопись, иконопись, скоропись, пропись, летопись, роспись* и др.
2. Преимущественно к женскому роду относятся имена существительные на **-дь**: *гладь, тетрадь, площадь, заповедь, проповедь, исповедь, медь, очередь, изгородь, челядь, стерлядь, прядь* (кроме *жёлудь, дождь, гвоздь, груздь*); **-зь**: *мазь, резь, слизь, бязь, вязь, связь, грязь* (кроме *ферзь*); **-ть**: *плоть, копоть, прихоть, похоть, перхоть, круговерть, четверть, смерть, паперть, скатерть, область, власть, сласть, пасть, лопасть, пропасть, страсть, часть, известь, повесть, совесть, жесть, свежесть, несхожесть, неуклюжесть, тяжесть, лесть* и др. (кроме *ломоть, лапоть*).
3. Существительные на **-ль, -нль, -рль** могут быть как женского, так и мужского рода, по этой причине следует учитывать бóльшую комбинацию конечных букв.
 - 3.1. Существительные на **-ль**:
 - 3.1.1. К женскому роду относятся имена существительные на **-сль, -эль**: *отрасль, заросль, водоросль, мысль, дуэль*.
 - 3.1.2. К мужскому роду относятся имена существительные на **-бль, -йль, -кль, -мль, -пль, -уль, -юль, -яль**: *дирижабль, корабль, ансамбль, дубль, рубль, коктейль, спектакль, артикль, бинокль, кремль, вопль, модуль, куль, каракуль, циркуль, джоуль, руль, патруль, вестибюль, тюль, рояль*, а также все слова с суффиксом **-тель**.
 - 3.1.3. Преимущественно к женскому роду относятся имена существительные на **-ыль**: *быль, небыль, прибыль, убыль, пыль, бутыль* (кроме *ковыль, костыль*).
 - 3.1.4. Преимущественно к мужскому роду относятся имена существительные на **-иль**: *автомобиль, водевиль, пасквиль, шпиль, рашпиль, фитиль, дактиль, вентиль, стиль, текстиль, утиль, штиль, профиль* (кроме *ваниль, гниль, кадриль*).

3.1.5. Как к женскому, так и к мужскому роду могут относиться имена существительные на **-аль**: *даль, падаль, медаль, педаль, невидаль, удаль, скрижаль, вертикаль, эмаль, диагональ, спираль, магистраль, мораль, деталь, горизонталь, сталь, вуаль, печаль, шаль* — *фестиваль, миндаль, дюраль, провансаль, госпиталь, хрусталь*, **-ель**: *мебель, гибель, колыбель, цитадель, модель, параллель, карамель, бешамель, фланель, панель, шинель, оттепель, акварель, дрель, свирель, карусель, метель, гантель, артель, пастель, постель, цель, виолончель, вермишель, щель* — *кабель, табель, стебель, щавель, флигель, врендель, бордель, дизель, вензель, никель, хмель, тоннель, штапель, штемпель, скальпель, баррель, кисель, вексель, штепсель, отель, фортель, кафель, картофель, портфель, трюфель, шницель, кашель*, **-оль**: *боль, голь, мозоль, смоль, роль, бандероль, гастроль, соль, фасоль, консоль, канифоль, опухоль* — *алкоголь, уголь, аэрозоль, цоколь, бемоль, ноль, акрополь, некрополь, тополь, пароль, контроль, толь*. Эти группы слов требуют к себе особого внимания.

3.2. Существительные на **-нь**:

3.2.1. К женскому роду относятся имена существительные на **-знь, -инь, -рнь, -ынь, -янь**: *казнь, болезнь, жизнь, рознь, неприязнь, боязнь, чернь, синь, полынь, теплынь, жарынь, латынь, дрянь*.

3.2.2. Преимущественно к женскому роду относятся имена существительные на **-ань**: *гавань, рвань, погань, ругань, дань, ткань, брань, грань, герань, гортань, пристань* (кроме *юань*), на **-онь, -унь**: *вонь, ладонь, гармонь, латунь* (кроме *огонь, шампунь*).

3.2.3. Как к женскому, так и к мужскому роду могут относиться имена существительные на **-ень**: *древедень, сажень, лень, зелень, голень, темень, степенъ, ступень, мигрень, сирень, плесень, осень, тень, печень, мишень* — *гребень, скребень, щебень, клубень, ливень, уровень, день, полдень, студень, пролежень, стержень, оползень, камень, пламень, ремень, кремь, ячень, пельмень, пень, корень, ясень, бюллетень, плетень* и др. Эта группа слов, без сомнения, также является проблематичной.

3.3. Существительные на **-рь**:

3.3.1. К женскому роду относятся имена существительные на **-урь**: *дурь, лазурь, глазурь, хмурь*.

3.3.2. К мужскому роду относятся имена существительные на **-ырь**: *волдырь, козырь, пузырь, нашатырь, пластырь, монастырь, пустырь*.

3.3.3. Преимущественно к мужскому роду относятся имена существительные на **-арь**: *букварь, словарь, календарь, фонарь, алтарь, инвентарь, янтарь, сухарь* (кроме *утварь, гарь, изгарь, пригарь*).

3.3.4. Остальные существительные на *-ерь, -ирь, -орь*: *дверь — лагерь, ширь — имбирь, панцирь, хворь, корь — якорь, вихорь/вихрь* — не так многочисленны, их родовую характеристику рекомендуется запомнить.

Таким образом, было установлено, что особой «зоной риска» [VALOVA 2014, 27] являются модели на *-аль, -ель, -оль, -ень*, а также на *-рь* (кроме слов на *-арь*), в отношении которых трудно говорить о каком-либо грамматическом приоритете. Эти слова заслуживают более пристального внимания как при коммуникации, так и на занятиях по русскому языку.

Чешские учебники о грамматическом роде существительных на Ъ

Особый интерес для нас представляло то, каким образом данная грамматическая проблема рассматривается в чешских учебниках и учебных пособиях по РКИ.

Начнем с проверенного временем и весьма популярного в Чехии учебника для средних школ — «*Радуга*» [JELÍNEK, FOLPRECHTOVÁ, HŘÍBKOVÁ, ŽOFKOVÁ 2001a]. Понятие грамматического рода вводится авторами в 1-й части учебника, в 5-м уроке, соответственно, начиная с этого урока в притекстовых словариках начинают использоваться пометы, фиксирующие родовую принадлежность существительных. В 8-м уроке вводятся существительные *тетрадь* (жен. род) и *словарь* и *портфель* (муж. род), последнее дается также в качестве образца склонения, однако каких-либо примечаний об особенностях родовой принадлежности существительных на Ъ авторы не делают.

Образец склонения существительных женского рода с Ъ на конце на примере слова *тетрадь* приводится в 5-м уроке 2-й части учебника. В правиле, которое сопровождает данный тип склонения, все существительные с мягким знаком на конце, включая Ъ после шипящих, даются общим списком: «Podle vzoru *тетрадь* se skloňují podstatná jména ženského rodu zakončená v 1. p. j.č. na souhlásku, po které se píše měkký znak. Např.: *площадь, магистраль, область, Сибирь, промышленность, нефть, жизнь, часть, деятельность, молодёжь, помощь, вещь, ночь*» [JELÍNEK, FOLPRECHTOVÁ, HŘÍBKOVÁ, ŽOFKOVÁ 2001b, 113]. Существительные с Ъ на конце после шипящих, которые могут быть только женского рода, не противопоставляются существительным с Ъ на конце не после шипящих, которые могут быть как женского, так и мужского рода. В то же время в рабочей тетради к учебнику «*Радуга 2*» грамматическому роду существительных с Ъ на конце посвящены специальные задания [JELÍNEK, FOLPRECHTOVÁ, HŘÍBKOVÁ, ŽOFKOVÁ 2001c, 28–29].

В учебнике «*Класс! 1*» (уровень А1): [ORLOVA, VÁGNEROVÁ, KOŽUŠKOVÁ 2010], также рассчитанном на учащихся средних школ, специфика родовой

принадлежности существительных с мягким знаком на конце не оговаривается, несмотря на то, что в самом учебнике таких существительных используется немало: *день, тетрадь, мысль, крепость, мебель, кровать, календарь, словарь, шампунь, обувь, картофель, модель, январь, февраль, апрель* и др. Их грамматический род не фиксируется, хотя они порой и погружаются в контекст, проявляющий принадлежность к мужскому (*третий день*) или женскому роду (*последняя модель*). Интересующая нас информация затрагивается в учебнике «Класс! 2» (уровень A2): «Podstatná jména ženského rodu zakončená na měkkou souhlásku mají v 2. i 6. pádě j.č. koncovku *-u*. Zatím umíme jedno takové podstatné jméno *площадь*: *возле площади, на площади*» [ORLOVA, VÁGNEROVÁ, KOŽUŠKOVÁ 2011, 56]. Не совсем, правда, понятно, почему авторы пишут о «единственно известном» учащимся существительном *площадь*, ведь целый ряд существительных с мягким знаком на конце вводился в предыдущем учебнике (см. выше). При обобщении грамматического материала авторы приводят образец склонения слова *автомобиль*, сопровождая его примечанием: «Podle tohoto vzoru se skloňují podst. jména mužského rodu zakončená na měkkou souhlásku, např. *учитель, парень, словарь, день, корабль, декабрь*» [ORLOVA, VÁGNEROVÁ, KOŽUŠKOVÁ 2011, 171]. О существительных женского рода с мягким согласным на конце вновь говорится лишь то, что у них пишется окончание *-и* в формах родительного и предложного падежей, а также вводится еще несколько аналогичных примеров: «Patří sem také *тетрадь, соль, жизнь, связь* aj.» [ORLOVA, VÁGNEROVÁ, KOŽUŠKOVÁ 2011, 172].

В учебнике «Времена 1» [CHAMRAJEVA, IVANOVA, BRONIARZ 2009], написанном международным авторским коллективом и адаптированном для чешской аудитории, особого внимания проблеме определения рода существительных с мягким знаком на конце также не уделяется. В самом начале учебника, на стр. 18, при введении грамматической информации о дифференциации имен существительных по родам даются только «беспроблемные» примеры: *он — друг, город, она — подруга, страна, оно — окно*. В разделе «Чей это учебник?», где вводятся притяжательные местоимения, находим два интересующих нас примера: *моя тетрадь, мой словарь*. Родовую принадлежность приведенных слов можно определить, благодаря соединению с местоимениями мужского и женского рода, однако какой-либо грамматический комментарий на эту тему авторами не дается.

Учебник «Твой шанс» [VALOVA, RYKOVSKÁ, GOLOVATINA 2018] адресован как учащимся средних и языковых школ, так и на тем, кто намерен изучать русский язык самостоятельно. Информация о роде имени существительного вводится уже в 1-й лекции как отдельная тема, а в дальнейшем материал повторяется в связи с темой «Притяжательные местоимения».

Авторами предлагается таблица, объясняющая принципы дифференциации по родам: делается акцент на конечные буквы, характерные для каждого грамматического рода (муж. род — согласный на конце, женский род — окончания -а, -я, средний род — окончания -о, -е). Существительные с Ь на конце отмечаются как особый случай и приводятся следующие примеры одушевленных и неодушевленных существительных: *учитель, день, мать, Сибирь* [VALOVA, RYKOVSKÁ, GOLOVATINA 2018, 22, 38]. В рабочей тетради к данной лекции, на стр. 47, есть два упражнения, нацеленных на закрепление материала. В текстах и заданиях разных лекций используются существительные с Ь на конце, причем, как правило, такие слова погружаются в контекст, «проявляющий» их грамматический род, например: *добрый день, Московский Кремль, Казанский Кремль, международный кинофестиваль, чешско-русский словарь*.

Учебное пособие «*Ruská gramatika v kostce*» [BALCAR 1999], по словам автора, можно использовать в качестве дополнительного источника информации как учащимся школ, так и всем, кто интересуется современным русским языком. Касательно грамматического рода имени существительного говорится следующее: «Rod podstatných jmen se určuje podle zakončení» [BALCAR 1999, 29]. В общей таблице приводятся два интересующих нас примера существительных на Ь: *учитель (-ля)* как пример существительного мужского рода и *тетрадь (-и)* как пример существительного женского рода. В скобках даются окончания родительного падежа, что для учащихся должно явиться дополнительным грамматическим сигналом при родовой дифференциации подобных существительных. В том же разделе, на стр. 31, приводится еще несколько примеров существительных с Ь на конце в сопоставлении с аналогичными чешскими: *старая модель — starý model, моя подпись — můj podpis, большая надпись — velký nadpis, высокий уровень — vysoká úroveň, наша цель — náš cíl, эта ступень (ступень) — tento stupeň, моя тень — můj stín*.

В пособии «*Ruština pro samouky*» [NEKOLOVÁ, CAMUTALIOVÁ, VASILJEVA-LEŠKOVÁ 2007], ориентированном на самостоятельное изучение русского языка, дается достаточное количество теоретических сведений. В самом начале, при введении русского алфавита, о мягком знаке говорится, что он «píše se nejčastěji na konci slova nebo gramatického tvaru s měkkou souhláskou: *радость, день, будь*» [NEKOLOVÁ, CAMUTALIOVÁ, VASILJEVA-LEŠKOVÁ 2007, 33]. Объясняя принципы родовой дифференциации, авторы не делают особого акцента на проблематичности существительных с мягким знаком на конце, лишь отмечают их особый тип склонения. Так, на стр. 140 говорится, что по образцу существительного мужского рода *портфель* склоняются и существительные на Ч, Щ. В качестве же образца склонения существительного женского рода

на Ъ дается слово *площадь*. Интересно следующее примечание к правилу: «Pamatujte, že slova zakončená na **-пись** jsou všechna ženského rodu: *твоя подпись, красивая надпись, последняя запись*» [NEKOLOVÁ, SAMUTALIOVÁ, VASILJEVA-LEŠKOVÁ 2007, 192]. Это, по сути, единственная попытка, которую мы обнаружили в проанализированной учебной литературе — подчеркнуть закономерность между конечным буквенным сочетанием и родовой принадлежностью слова.

Пособие «*Договорились! Obchodujete, podnikáte a komunikujete v ruštině*» [KOZLOVA et al. 2004], рассчитанное на взрослую и подготовленную аудиторию (бизнесмены, менеджеры, экономисты, и пр.), в идеале — имеющем определенную базу русского языка, содержит пусть и краткие, но четкие грамматические комментарии, в том числе и на интересующую нас тему. Уже в первом уроке, на стр. 21, вводится понятие рода имени существительного, при этом делается акцент на окончания, помогающие с определением грамматического рода, особо отмечаются также имена с Ъ на конце, которые могут быть как мужского, так женского рода. В грамматических таблицах в конце учебника, на стр. 384, приводятся образцы склонения существительных *площадь* и *портфель*.

Учебное пособие «*Ruština pro pokročilé*» [BARNET, KLIKAROVÁ, TURKOVÁ, VACKOVÁ, ZOLOTOVA 2007] написано для тех, кто продолжает изучать русский язык. В расчете на такую благодатную аудиторию, по нашему мнению, можно было бы затронуть и тонкости русской грамматики — авторы же ограничиваются повторением склонения имен существительных мужского рода (по образцу *автомобиль*), женского рода (по образцу *тетрадь*). Интересным представляется следующее примечание: «Podstatná jména ženského rodu zakončená na **-жь, -шь, -чь, -ць** (*молодёжь, мышь, ночь, вещь*) se odlišují od podstatných jmen mužského rodu, v nichž se **-ь** nepíše (*ёж, гуляш, плач, борщ*)» [BARNET, KLIKAROVÁ, TURKOVÁ, VACKOVÁ, ZOLOTOVA 2007, 61]. В отношении же грамматического рода остальных существительных с Ъ на конце в пособии ничего не говорится.

Важность осознания родовой принадлежности имен существительных при изучении русского языка не подвергается сомнению. Дифференциация существительных мужского/женского/среднего рода важна и в парадигматическом аспекте — при понимании существования отличающихся падежных форм, и в синтагматическом — при сочетании существительных с согласованными определениями (притяжательными местоимениями, прилагательными, порядковыми числительными и др.), а также с некоторыми предикатами (глаголами в форме прошедшего времени, краткими и полными прилагательными и др.). «Размытость» в подаче данного грамматического материала, с которой

мы столкнулись, анализируя учебную литературу, доказывает сложность и недостаточную изученность обозначенной проблемы.

Методические рекомендации

Модели, которые были нами выявлены при анализе современной лексики русского языка, мы решили наложить на лексику, актуальную при изучении РКИ (уровни А1–А2). В результате у нас получился несколько меньший перечень моделей существительных с Ъ на конце, с которыми иностранные студенты сталкиваются уже на начальном этапе изучения русского языка. Все модели можно разделить на две группы: 1) стабильные модели — с конечными буквенными сочетаниями, свидетельствующими практически о стопроцентной закреплённости за тем или иным родом; 2) зона риска — модели на *-аль, -ель, -оль, -ень*, а также на *-рь* (кроме слов на *-арь*), в отношении которых сложно говорить о каком-либо конкретном грамматическом предпочтении. В качестве иллюстративных примеров мы использовали выбранные слова из «Лексического минимума по русскому языку как иностранному. Базовый уровень» (А2): *власть, дверь, день, дождь, живопись, жизнь, картофель, корабль, кровать, любовь, молодость, новость, ноль, обувь, осень, площадь, радость, роль, рубль, словарь, смерть, старость, соль, тетрадь, часть, юность* [ANDRJUŠINA, KOZLOVA 2015], а также те лексемы с мягким знаком на конце, которые нам встретились в рассмотренных учебниках и учебных пособиях. В таблицу мы сознательно не включали названия месяцев, одушевленные существительные, а также существительные с шипящими согласными на конце.

Женский род		Мужской род	
Модель	Примеры	Модель	Примеры
<i>-вь</i>	<i>любовь, морковь, обувь</i>	<i>-бль</i>	<i>корабль, рубль</i>
<i>-дь</i>	<i>площадь, тетрадь (!!! дождь — м. р.)</i>	<i>-иль</i>	<i>автомобиль, стиль</i>
<i>-зь</i>	<i>связь</i>	<i>-кль</i>	<i>спектакль</i>
<i>-сь</i>	<i>живопись, надпись, подпись</i>	<i>-мль</i>	<i>кремль</i>

Таблица № 1. Стабильные модели (начало)

Женский род		Мужской род	
Модель	Примеры	Модель	Примеры
-ТЬ	<i>власть, деятельность, крепость, кровать, молодость, новость, область, промышленность, радость, смерть, старость, ценность, часть, юность</i>	-АРЬ	<i>календарь, словарь</i>
-СЛЬ	<i>мысль</i>		
-АНЬ	<i>ткань</i>		
-ЗНЬ	<i>жизнь</i>		

Таблица № 1. Стабильные модели (продолжение)

Модель	Женский род	Мужской род
-АЛЬ	<i>магистраль</i>	<i>фестиваль</i>
-ЕЛЬ	<i>вермишель, мебель, модель</i>	<i>картофель, кашель, портфель</i>
-ОЛЬ	<i>соль</i>	<i>ноль</i>
-ЕНЬ	<i>осень, печень, ступень, тень</i>	<i>день, полдень, уровень</i>
-РЬ	<i>дверь, Сибирь</i>	<i>лагерь</i>

Таблица № 2. Зона риска

Естественно, таблицы могут быть дополнены примерами в зависимости от уровня владения студентами русским языком, а также в связи с их профилем обучения, однако смеем утверждать, что основные модели существительных на Ъ нами зафиксированы и этот материал может быть использован в качестве методической опоры при изучении весьма непростой грамматической темы — род существительных с мягким знаком на конце не после шипящих.

Заключение

Проблема дифференциации существительных с конечным Ъ по родам имеет давние корни. Как показал анализ грамматик XVIII–XIX вв., осознание

принадлежности таких существительных к мужскому или женскому роду формировалось постепенно. Так, например, М. В. Ломоносов, Н. Г. Курганов, А. А. Барсов априори относили их к женскому роду, с учетом имеющихся исключений мужского рода. Однако постепенно подход к таким существительным менялся: появились «обратные» трактовки, связывающие существительные с ерами на конце прежде всего с мужским родом. Кроме того, ученые пытались найти закономерности распределения таких существительных по родам на основе их лексического значения и различных формальных показателей. Тем не менее проблема рода существительных на Ь не после шипящих до сих пор продолжает оставаться актуальной. В своем исследовании мы решили сосредоточиться на формальных критериях, а именно на конечных буквенных сочетаниях. В результате анализа существительных с конечным мягким знаком были установлены модели, тяготеющие или женскому, или мужскому роду. В то же время мы вынуждены признать наличие зоны риска, куда относятся слова на *-аль, -ель, -оль, -ень*, а также на *-рь* (кроме слов на *-арь*), которые представляют проблему не только для иностранцев, изучающих русский язык, но и для носителей языка. Таблицы, разработанные нами в ходе анализа актуальной для иностранцев лексики (уровни А1–А2), наглядно представляют имеющиеся в современном русском языке закономерности в отнесенности существительных с Ь на конце не после шипящих к женскому или мужскому роду и могут служить опорным материалом на занятиях по РКИ.

Библиография:

- ANDRJUŠINA, N. P., KOZLOVA, T. V. (2015): *Leksičeskij minimum po ruskomu jazyku kak inostrannomu. Bazovyj uroven'. Obščije vladenije*. Sankt-Peterburg. <https://ojcrb.files.wordpress.com/2020/06/lexičeskij_minimum_dob7dobbdobod182dobed183d181d182.pdf>. [online]. [cit. 07.07.2022].
- BALCAR, M. (1999): *Ruská gramatika v kostce*. Praha.
- BARNET, V., KLIKAROVÁ, Z., TURKOVÁ, N., VACKOVÁ, J., ZOLOTOVA, G. (2007): *Ruština pro pokročilé. Voznice*.
- BUSLAJEV, F. I. (1868): *Istoričeskaja grammatika ruskogo jazyka*. Moskva. <https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003847246/>. [online]. [cit. 01.07.2022].
- FILIP'JEV, V. L. (1878): *Russkaja grammatika*. Sankt-Peterburg. <https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003582780?page=19&rotate=0&theme=white>. [online]. [cit. 01.07.2022].
- GREČ, N. I. (1827): *Praktičeskaja russkaja grammatika*. Sankt-Peterburg. <https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000026559/>. [online]. [cit. 01.07.2022].

- CHAMRAJEVA, Je., IVANOVA, E., BRONIARZ, R. (2009): *Vremena 1 – kurz ruského jazyka pro začátečníky. Učebnice pro 2. stupeň základních škol, víceletá gymnázia a střední školy*. Dubicko.
- JAKUBOVA, G. Ch., JAKUBOVA, M. M., SAFOLOVA, L. A. (2014): *Sposoby opredelenija grammatičeskoj funkcii mjagkogo znaka kak pokazatelja ženskogo ili mužskogo roda*. Vestnik Tadžikskogo tehničeskogo universiteta, 2014, č. 3, s. 136–138.
- JELÍNEK, S., FOLPRECHTOVÁ, Ja., HŘÍBKOVÁ, R., ŽOFKOVÁ, H. (2001a): *Raduga 1 – učebnice. Ruština pro střední a jazykové školy*. Plzeň.
- JELÍNEK, S., FOLPRECHTOVÁ, Ja., HŘÍBKOVÁ, R., ŽOFKOVÁ, H. (2001b): *Raduga 2 – učebnice. Ruština pro střední a jazykové školy*. Plzeň.
- JELÍNEK, S., FOLPRECHTOVÁ, Ja., HŘÍBKOVÁ, R., ŽOFKOVÁ, H. (2001c): *Raduga 2 – pracovní sešit. Ruština pro střední a jazykové školy*. Plzeň.
- KAMYNNINA, N. G. (1998): *Istorija oboznačeniya tverdsti i mjagkosti soglasnyh v russoj orfografii XVIII–XIX vv. Avtoreferat na soiskanije učenoy stepeni kandidata filologičeskich nauk*. Barnaul.
- KAMYNNINA, N. G. (1997): *K istorii stanovlenija funkcii mjagkogo znaka u jerja*. Vestnik Omskogo universiteta, 1997, č. 1, s. 70–73.
- KOZLOVA, T. et al. (2004): *Dogovorilis'! Obchodujeme, podnikáme a komunikujeme v ruštině*. Plzeň.
- KREMENECKAJA, L. S. (2018): *Opredelenije roda imen suščestvitel'nych, okančivajuščichsja na mjagkij znak*. Sovremennoje pedagogičeskoje obrazovanije, 2018, č. 5, s. 141–144.
- KURGANOV, N. G. (1769): *Rossijskaja universal'naja grammatika, ili vseobščee pis-moslovije, predlagajuščee legčaišij sposob osnovatel'nogo učenija ruskomu jazyku s sedm'ju prisovokuplenijami raznyh učebnyh i polezno-zabavnyh veščej*. Sankt-Peterburg. <https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_2568023?page=5&rotate=0&theme=white>. [online]. [cit. 01.07.2022].
- LOMONOSOV, M. V. (1755): *Rossijskaja grammatika*. Sankt-Peterburg. <https://viewer.rusneb.ru/ru/001055_000090_324?page=3&rotate=0&theme=white>. [online]. [cit. 01.07.2022].
- NEKOLOVÁ, V., CAMUTALIOVÁ, I., VASILJEVA-LEŠKOVÁ, A. (2007): *Ruština pro samouky*. Voznice.
- ORLOVA, N., VÁGNEROVÁ, M., KOŽUŠKOVÁ, M. (2010): *Klass! 1 Ruština pro střední školy. Učebnice a pracovní sešit*. Praha.
- ORLOVA, N., VÁGNEROVÁ, M., KOŽUŠKOVÁ, M. (2011): *Klass! 2 Ruština pro střední školy. Učebnice a pracovní sešit*. Praha.
- USPENSKIJ, B. A. (red.). (1981): *Rossijskaja grammatika* A. A. Barsova. Moskva.
- VALOVA, L. V. (2014): *Leksičeskije i grammatičeskije zony riska pri izučeníi rusckogo jazyka češskimi studentami*. Russkij jazyk za rubežom, 2014, č. 2, s. 27–34.

VALOVA, L., RYKOVSKÁ, M., GOLOVATINA, V. (2018): *Tvoj šans. A1. Učebnice s integrovaným sešitem. Ruština pro střední a jazykové školy*. Plzeň.

VOSTOKOV, A. Ch. (1831): *Ruskaja grammatika*. Sankt-Peterburg. <https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_2574410?page=2&rotate=0&theme=white>. [online]. [cit. 07.07.2022].

ZALIZNJAK, A. A. (1987): *Grammaticeskij slovar' russkogo jazyka: Slovoizmenenije*. Moskva.

About the author

Liudmila Vladimirovna Valova, University of West Bohemia, Faculty of Education, Department of Russian Language, Pilsen, Czech Republic, ivalova@krf.zcu.cz

Русский Викисловарь как лексикографический проект

The Russian Wiktionary as a Lexicographical Project

Герман Мейстер

(Волгоград, Россия)

Abstract:

The article presents an analysis of the Russian Wiktionary as a lexicographical project. The paper examines the history of the Russian Wiktionary, its lexicographical conception, the structure of a dictionary entry, and the principles of its compilation within the framework of collaborative lexicography. In the article it is said about the place of the Russian Wiktionary in the modern lexicography among electronic and paper dictionaries. It also presents an assessment of this project by linguists and lexicographers.

Key words:

lexicography; metalexigraphy; Russian lexicography; dictionary; online dictionary; collaborative lexicography; Wiktionary; Russian Wiktionary

Викисловарь (Wiktionary; <https://www.wiktionary.org>) — это многофункциональный электронный свободно пополняемый словарь, ставящий своей задачей комплексно описать все единицы всех существующих и когда-либо существовавших языков. Название этого проекта представляет собой соединение двух единиц — «вики» и «словарь» («wiki» + «dictionary»). Вики — веб-сайт, контент которого создают сами пользователи, используя специальные инструменты. Самым известным вики-ресурсом является Википедия, которая, как и Викитека, Викицитатник, Викисловарь и др., относится к проектам «Фонда Викимедиа». В настоящей статье перед нами стоит задача рассмотреть Русский Викисловарь как лексикографический проект.

История Викисловаря насчитывает два десятилетия. Идея его создания принадлежит, судя по всему, Л. Сэнгеру, одному из основателей Википедии, который в 2001 г. предложил сделать словарь на основе вики-движка — программного обеспечения для организации вики [Discussion from...]. Проект возник в связи с решением о невключении лингвистического материала в Википедию [Policies...] и был запущен как «дополнительный том» к ней¹ [Wiktionary: Archives...]. Первым из появившихся викисловарей является Английский Викисловарь (декабрь 2002 г.) [Discussion announcing...]. В дальнейшем было принято решение создать викисловари на других языках — самостоятельные разделы, где представлены единицы различных языков, описываемые на том языке, к которому относится данный раздел. Весной 2004 г. были запущены первые неанглоязычные викисловари, в том числе Русский. Развитие проекта впоследствии привлекло внимание исследователей, которые дали ему неоднозначную оценку². В настоящее время Викисловарь работает на 159 языках [Meta.tab...], во всех викисловарях представлено около 32 млн статей, зарегистрировано более 6,6 млн участников, из которых почти 5,5 тыс. являются активными (сделали хотя бы одну правку за последние 30 дней) [Data.tab...]. В таблице № 1 представлены статистические данные викисловарей с большим объёмом словника.

Анализ представленных в таблице данных позволяет сделать вывод, что проект «растёт»: словник викисловарей пополняется, к участию в проекте присоединяются новые пользователи.

Русский Викисловарь (<https://ru.wiktionary.org>) (далее — РВ) был открыт 1 мая 2004 г. В течение первых двух лет проект медленно развивался и пополнялся некачественным материалом (см., например, историю статей «Алтын» и «לכירר»). Ситуация стала меняться в 2006 г.: был назначен первый администратор, начал формироваться инструментарий, объём словника увеличился в 50 раз по сравнению с предыдущим годом (с 2 тыс. до 100 тыс.) и после продолжал увеличиваться: в 2008 г. — около 200 тыс., в 2012-м — 460 тыс., в 2016-м — 810 тыс., в 2020-м — 1100 тыс. [Tekuščije...]. На май 2022 г. в РВ насчитывается более **1189 тыс.** статей (5-е место среди викисловарей), написанных на более чем **600** языках мира. Следовательно, с момента основания РВ до сегодняшнего дня (2004–2022) объём его словника увеличился почти в 6 тыс. раз (с 200 в первый год до 1189 тыс. статей сегодня), число языков — в 120 (с 5 до 600). Помимо международных языков, в словаре представлены

1 Примечательно, что в настоящее время Викисловарь ошибочно называют «приложением» к Википедии, хотя проект практически сразу стал самостоятельным (см. об этом далее).

2 См. о простоте использования: [DESCY 2006, 4–5]; о низком качестве словарных определений: [FUERTES-OLIVEIRA 2009, 99–134] и др.

Викисловари	Объём словника (тыс.) [Data.tab...]	Количество языков ³	Количество участников (тыс.) [Data.tab...]	Общее число просмотров (2016–2022) [Wikimedia...]
Английский	7063 (+ 398) ⁴	4318 (+ 74)	3938 (+ 69)	10 млрд (+ 2 млрд)
Французский	4410 (+ 235)	4900 (+ 100)	327 (+ 21)	3 млрд (+ 461 млн)
Малагасийский ⁵	1741 (+ 102)	4874 (+ 5) ⁶	10 (+ 5)	278 млн (+ 16 млн)
Китайский	1227 (+ 233)	1405 (+ 625)	101 (+ 5)	734 млн (+ 182 млн)
Русский	1189 (+ 62)	600	276 (+ 16)	2 млрд (+ 431 млн)

Таблица № 1. Статистические данные викисловарей с большим объёмом словника (май 2022 г.).

также исчезающие. Необходимо отметить, что здесь на русском языке были впервые описаны единицы некоторых малоизученных языков (например, аргунь, ндонга и др.). Приведённые данные позволяют утверждать, что РВ — самый масштабный проект в истории русской лексикографии. Это самый большой словарь, описывающий единицы русского языка: на данный момент в нём более **447 тыс.** языковых единиц русского языка (около 38 % всего словника) [Kategorija...]⁷.

Необходимо сказать о **лексикографической концепции** РВ, которая «определяет цель и содержание проекта, а также правила написания статей и пользования словарём» [Leksikografičeskaja...]. Основными принципами

3 Информация взята с заглавных страниц указанных проектов.

4 Здесь и далее в таблице в скобках указана разница между данными мая 2022 г. и мая 2021 г.

5 В Малагасийском Викисловаре почти все статьи, большинство из которых полупустые, были скопированы ботом из других викисловарей.

6 В Малагасийском и Китайском викисловарях у большого числа языков отсутствует словник.

7 При этом важно сказать, что полнота РВ не может быть адекватно оценена по формальным показателям: счётчик не учитывает внутриязыковую и межязыковую омонимию в рамках одной статьи (таких единиц около 20 тыс., см. страницы «К:Омонимы» и «К:Викисловарь: Статьи с межязыковой омонимией»).

лексикографической концепции РВ являются: полнота охвата, единообразие и системность, интегральность, проверяемость данных. Полнота охвата предполагает, что предметом описания в Викисловаре являются все единицы (слова, устойчивые словосочетания, морфемы и др.) всех естественных (в том числе мёртвых), за некоторым исключением искусственных языков, а также международных обозначений (например, азбука Морзе и эмотикон). Принцип единообразия и системности означает, что в оформлении статей, методах описания языковых единиц необходимо придерживаться одних и тех же правил. Принцип интегральности (комплексности) предполагает, что одна словарная статья РВ «сочетает функции нескольких видов традиционных словарей, включая толковые, орфографические, орфоэпические» [*Leksikografičeskaja...*] и др. Принцип проверяемости предполагает, что при написании статей в качестве основных источников должны использоваться данные авторитетных словарей, научных работ, корпусов текстов. Наличие той или иной языковой единицы как факта языка должно подтверждаться такими источниками, т. е. единица должна либо наличествовать в одном или нескольких авторитетных словарях, либо регулярно встречаться в текстовых корпусах [*Proverjajemost'...*], которые традиционно имеют преимущество с точки зрения доказательности. Возможность внесения изменений в словарь с опорой на корпусные данные, а не на готовый лексикографический материал, важна, т. к. она предполагает относительную самостоятельность редакторов в описании языковых единиц, возможность описать их так, как это делают профессиональные лексикографы, что, с одной стороны, позволяет создать не просто словарный агрегатор, но проект с уникальным содержанием, а с другой стороны, подобная свобода в описании приводит к ошибкам в словарных статьях, что влияет на авторитетность словаря. Важно также отметить, что согласно правилам РВ, подтверждение какой-либо информации, добавленной в словарную статью, в настоящее время необязательно и нужно только в случае возникновения сомнений со стороны других редакторов⁸. В целом можно утверждать, что лексикографическая концепция РВ способствует постоянному развитию проекта. Вместе с тем один из главных недостатков Викисловаря с точки зрения принципов лексикографического описания — отсутствие важных теоретических положений по вопросам,

8 Обсуждалось предложение сделать указание на источник информации обязательным, но, например, А. Ф. Силонов (Al Silonov), один из постоянных участников проекта с момента его основания, высказал мнение, согласно которому в ближайшее время этого не следует делать: «Приводить примеры и лексикографические источники — важно и хорошо, но делать это обязательным требованием для создателей статей нельзя, иначе словарь не будет расти сколько-нибудь заметно [...]» [*Archiv...*].

вызывающим разногласие (например, дифференцирование ЛСВ и омонима, разг. и прост., etc.)⁹.

Структура РВ организована в виде веб-страниц, каждая из которых состоит из заголовка и текста под ним. Выделим основные типы страниц:

1. словарные статьи, которые составляют так называемое основное пространство (например, /вода¹⁰);
2. страницы обсуждения, на которых происходит рассмотрение вопросов по улучшению словарных статей, правил, etc. (например, /Обсуждение:вода);
3. страницы перенаправлений (например, страница «быть на коне» перенаправляет на словарную статью «на коне»);
4. внутренние страницы, которые служат основой для функционирования словаря — описывают цели проекта, его концепцию, правила, etc. (например, /Викисловарь:Лексикографическая концепция);
5. «технические» страницы: страницы шаблонов (например, /Шаблон: илл), служебные (например, /Служебная:Статистика) и др.

Структура словарной статьи РВ отличается от «стандартной» структуры статьи бумажного словаря, т. к. включает элементы содержания словарных статей различных традиционных словарей. Следовательно, Викисловарь — комплексный словарь, а комплексность лексикографического описания, в свою очередь, — одна из тенденций современной русской лексикографии [OL'-CHOVSKAJA 2016, 421]. Проанализировав словарные статьи РВ, можно сказать, что они имеют общие элементы, позволяющие определить «стандартную» структуру статьи данного словаря: 1) заглавное слово; 2) указание языковой принадлежности единицы; 3) морфологические свойства (часть речи, характерные для неё морфологические признаки и др.); 4) морфемно-словообразовательные особенности; 5) фонетические особенности (транскрипция по IPA и варианты произношения); 6) семантические свойства (зона толкования начинается с помет, далее идёт собственно толкование, после даются примеры словоупотреблений и иллюстрации (фотографии, видео и др.); в конце — синонимы, антонимы и др.); 7) родственные слова (уменьш.-ласк., уничиж., etc.); 8) этимология; 9) устойчивые сочетания, включающие описываемую единицу; 10) переводы на различные языки; 11) библиография (источники, касающиеся лингвистических и лексикографических аспектов заглавного слова). Помимо перечисленных элементов в статье могут быть представлены

9 Примечательно, что за период работы над данной статьёй критерии включения языковых единиц, отсутствие которых ранее можно было отнести к недостаткам и необходимость которых ощущалась редакторами, стали частью правил и руководств РВ. Это показывает, насколько стремительно происходят изменения в этом проекте.

10 Здесь и далее перед «/» предполагается «<https://ru.wiktionary.org/wiki/>».

омофоны, рифмы, меронимы, холонимы, словообразовательное гнездо, типичные сочетания, анаграммы, метаграммы и другие сведения. Отметим также, что каждая словарная статья РВ включена в ряд категорий, объединяющих статьи по какому-либо принципу (морфологическая, семантическая и др. близость). Например, статья «любовь» включена в категорию «Чувства/ги», где представлены все статьи, описывающие единицы, семантически связанные с чувствами (например, «удивление», «сожаление»). Отсюда следует, что можно говорить об идеографическом словаре внутри Викисловаря.

Таким образом, одна словарная статья РВ, совмещающая в себе элементы содержания статей нескольких типов традиционных словарей, может описать единицу языка в её многообразии, стереоскопически. Заметим, что такой принцип лексикографического описания позволяет приблизиться к реализации постулата Л. В. Щербы, согласно которому правильно составленный словарь должен «исчерпывать знания данного языка» [ŠČERBA 2004, 25], решить обозначенную учёным задачу создания «словаря активного типа», достаточно полно удовлетворяющего коммуникативные запросы пользователя, эффективно выполняющего «роль инструмента, который помогает человеку понимать и порождать текст» [KOZYREV, ČERNJAK 2012, 164]. Важно, что РВ сочетает в себе признаки словарей активного и пассивного типов, что «весьма привлекательно для пользователей, но создает очень большие трудности для авторов» [SKLJAREVSKAJA 2017, 15]. Объём и качество информации, представленной в статье, важны при рассмотрении вопроса о соотношении времени, усилий, затраченных на поиск информации, и ценности самой полученной информации (lexicographical information costs), т. е. «выгоде пользователя от обращения к словарю в данном консультационном акте» [NIELSEN 2008, 173]. Обращение к РВ в высшей степени «выгодно»: условная формула этого словаря (с некоторыми оговорками) — «минимум затрат на поиск и максимум информации».

В Викисловаре работа над словарными статьями ведётся совместно: участвует неограниченное число редакторов (collaborative lexicography), которые могут в любой момент как присоединиться к проекту, так и покинуть его. На май 2022 г. в РВ зарегистрировано около 280 тыс. участников, из которых 276 — активные (сделали хотя бы одну правку за последние 30 дней). По нашим подсчётам, около 30 редакторов систематически вносят правки в словарные статьи — это «костяк» проекта. Каждый участник может быть наделён определенным статусом (флагом), который расширяет его права. Статус автопатрулируемого (таковых 51 участник) позволяет автоматически помечать правки редактора как соответствующие минимальным требованиям. Статус патрулирующего (46 участников) позволяет проверять правки других

редакторов, «вручную» помечать их как соответствующие минимальным требованиям [*Proverka...*]. Статус администратора (13 участников) наделяет редактора правами и обязанностями выполнять работу по обслуживанию проекта: удаление страниц и их защита, блокировка участников и изменение их прав и др. [*Administratory...*]. Помимо указанных статусов, существуют и другие: например, статус откатывающего (даёт право в один клик отменять правки), администратора интерфейса (позволяет редактировать служебные страницы) и др.¹¹. Участники также имеют возможность создавать ботов, которые могут в автоматическом режиме выполнять определённые задачи¹².

Согласно общепринятому представлению, словарь — либо авторский продукт, либо результат работы небольшой группы лексикографов-экспертов. «Совместная» лексикография, напротив, предполагает так называемый bottom-up («снизу вверх») подход, при котором любой читатель может непосредственно участвовать в составлении и редактировании словаря, что в целом соответствует тенденциям современной лексикографии, при которых «прежде чёткое различие между редакторами и пользователями словарей становится всё более размытым» [ABEL, MEYER 2013, 180] и «исключительная привилегия, которой раньше пользовались профессиональные лексикографы», «распространяется на неспециалистов» [PENTA 2011]. Известно, что «словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [ГАК 1977, 12]. Лексикограф-эксперт в рамках «традиционной» лексикографии выступает посредником между индивидуумом и общественным знанием. В Викисловаре нет посредника, само общество во всём его многообразии делится с индивидуумом имеющимся знанием, отражая «фактическое использование языка» [MEYER, GUREVYCH 2012, 259]. Обозначенная форма совместной работы — это одновременно важнейшее достоинство и вместе с тем недостаток такого типа словаря, т. к. неограниченное число редакторов, чья лексикографическая компетенция неизвестна, может создавать статьи и редактировать их, из-за чего появляются ошибки¹³, хотя в отношении качества материала РВ не совсем «одинок»¹⁴. Вместе с тем важно подчеркнуть, что большую часть работы в викисловарях, как правило,

11 См. полный список на странице /Служебная:Права групп участников.

12 Заметим, что значение ботов для викисловарей велико: их возможности по развитию проекта могут превышать возможности нескольких участников.

13 Д. Дж. Пента отмечает, что основное обвинение в адрес Викисловаря состоит в том, что он составлен неспециалистами, любителями [PENTA 2011].

14 В современных «авторитетных» словарях мы также встречаем ошибки, недоработки, etc.: например, в [KUZNECOV 1998] забегаловка — «маленькая второразрядная [курсив наш. — Г.М.] закусочная [...]» [KUZNECOV 1998, 310], произносительный вариант «жевачка» представлен в качестве отдельной статьи [KUZNECOV 1998, 301] и др.; в [GORBAČEVIČ

выполняют всего несколько редакторов. Так, в Английском Викисловаре более чем половину от всех незначительных изменений совершили 33 редактора, в Немецком Викисловаре таковых вовсе 14 [WOLFER, MULLER-SPITZER 2016, 354]. Предпринималась попытка пригласить к участию в проект лингвистов и лексикографов. А. Ф. Силонов отмечает: «Когда я начинал эту [над словарём. — Г. М.] работу, был полон энтузиазма. Я всех приглашал, особенно лингвистов, информационщиков. [...] Никто не согласился. Один известный лингвист [речь идёт о С. А. Крылове. — Г. М.] [...] принял участие [...]. Остальные лингвисты либо меня чуть ли не палками выгоняли, либо говорили, что это интересно, но „как бы вот...“» [SILONOV 2015]. Помимо С. А. Крылова, в проекте участвуют (как правило, спорадически) лингвисты Ю. Б. Коряков (Koryakov Yuri), С. С. Белоусов (SergeiBelousov) и др. Многие редакторы предпочитают публичности анонимность, поэтому нельзя точно сказать, сколько специалистов в области филологии, лингвистики или лексикографии редактируют РВ.

В контексте рассмотрения вопроса об участии в редактировании Викисловаря скажем также о некоторых принципах самого редактирования словарных статей. Каждая правка (новая версия статьи), сделанная участником, архивируется в истории изменений. Из записи правки можно узнать, когда и кем она была сделана, в каком разделе совершена и какой объём (байт) имеет. Любую из предыдущих версий статьи можно при необходимости открыть, а также сравнить с любой другой версией. Это делает работу над словарём открытой. Так, историю статьи удобно использовать для предотвращения вандализма (вредительского добавления) или иных действий: инструментарий позволяет вернуться к любой из предыдущих версий. Важное место в работе над редактированием РВ также занимает обсуждение редакторами различных вопросов. Если у участника возникают сомнения в правомерности наличия той или иной информации в словарной статье, то он может перейти на страницу обсуждения и высказать там своё мнение. При возникновении спора стороны обязаны привести аргументы, соответствующие критериям проверяемости (см. /ВС:ПРОВ).

Необходимо определить место РВ среди других лексикографических ресурсов. Начнём с электронных словарей.

Рассмотрим портал «Грамота.ру», который был создан в 2000 г. (на 4 года раньше) [О «Gramote.ru»]. В отличие от РВ, он является словарным агрегатором:

2019] совињон — «сорт винограда, используемый для производства красных вин» [GORVAŠEVIĆ 2019, 536], хотя совињон используется для производства белых вин; см. т.ж.: <https://youtu.be/o3dD8BiPeaE?t=993>. Эти ошибки не характеризуют словари в целом (как и отдельные ошибки не характеризуют РВ), но свидетельствуют о том, что не следует «абсолютизировать» академические труды.

включает орфографический словарь РАН, толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова и др. Представленные здесь словари отличаются от Викисловаря большей авторитетностью, вместе с тем некоторые словари «Грамоты.ру» являются устаревшими (например, словарь синонимов Н. Абрамова (1999), впервые опубликованный больше века назад, и словарь ударений М. В. Зарвы (2001)¹⁵, что показательно: хотя «Грамота.ру» является онлайн-ресурсом, скорость изменений лексикографического материала здесь близка скорости изменений в печатных изданиях. Как отмечает Д. Н. Чердаков, «словарная база сайта бедна», «пользователь не найдёт здесь сведений о значении ни новых, но вполне освоенных заимствований», «ни устаревших или редких слов» [ЇERDAKOV 2020, 197–198]. Разница в популярности проектов не столь очевидна. По данным «Яндекса» (<https://wordstat.yandex.ru>), запрос с элементом «Викисловарь» имеет около 78 тыс. показов в месяц, «Грамота.ру» — более 119 тыс. По данным Google Trends (<https://trends.google.ru>), в последние годы запрос «Викисловарь», который ранее значительно «отставал» от запроса «Грамота.ру», теперь «опережает» его. Согласно данным Alexa (<https://www.alexa.com/siteinfo>) на январь 2022 г., Викисловарь занимает 443-е место по популярности среди других сайтов в России, «Грамота.ру» — 639-е. Сравнивая РВ с «Грамотой.ру», можно сказать, что «Грамота.ру», будучи академическим ресурсом, является более авторитетным лексикографическим источником, часть информации в котором неактуальна для пользователя.

Часто портал «Грамота.ру» сравнивают с другим электронным ресурсом — «Культура письменной речи» (далее — КПП) (<http://grammar.ru>), который был открыт в 2001 г. (на 3 года раньше РВ) и в котором представлены различные материалы, связанные с филологией, лингвистикой, культурой речи, и в меньшей степени словари (неологизмов, сочетаемости, компьютерных терминов и др.). Посещаемость этого сайта, его популярность значительно ниже посещаемости и популярности Викисловаря: согласно данным Alexa на начало 2022 г., он не входит даже в тысячу самых посещаемых сайтов в России. Лексикографическим «открытием» данного ресурса является «Новый и старый лексикон» (<http://grammar.ru/SPR/?id=1.4>) — комплексный словарь, ориентированный на читателя и отчасти вовлекающий его в работу над составлением словаря: «авторами» словника стали посетители КПП, т. к. он сформирован из ответов на запросы пользователей ресурса. При написании словарных статей использовались различные авторитетные источники. Добавим, что редакторы

15 Отметим, что многие викисловари также «обвинялись» в использовании «неактуальных» лексикографических работ в качестве источников для написания статей.

КПР сделали совместный характер работы над словарём более «разумным», нежели в РВ: здесь пользователь и эксперт «работают» вместе.

Отдельно следует сказать о «Викилексии» (<http://викилексия.рф>) — «народном интернет-словаре» «обыденных толкований слов», который в настоящее время не функционирует, но опыт которого представляется важным при лексикографическом описании РВ. Цель этого словаря является «лабораторной», служит научным целям — «получение материала лексикографических рефлексивов» [GOLEV 2014, 32]. Принципы организации «Викилексии» близки принципам РВ и вики-ресурсов в целом: редактором (информантом) этого антропоцентрического и комплексного словаря может быть любой желающий (при этом «пополнение „Викилексии“ не является полностью стихийным процессом» [GOLEV 2014, 32]), история изменений статьи также представлена в специальном разделе, а рубрика «Обсуждение» выполняет функцию, аналогичную одноимённому разделу в РВ и др. Важное отличие — не «объективное», а «субъективное» описание единицы в «Викилексии»: редактор фиксирует отношение к описываемым единицам (эмоции, мысли, ассоциации и т. п.), хотя и «встаёт в позицию профессионального лексикографа» [GOLEV 2014, 32]. Можно сказать, что если статьи Викисловаря наивны «поневоле», то в «Викилексии» они должны быть такими.

Некоторые общие моменты имеют РВ и DataSlov (<https://dataslov.ru>) — «медиасловарь ключевых слов текущего момента», задуманный как «лексикографический продукт, сочетающий достижения русской лексикографической традиции и новейшие технологии» [DataSlov]. На данный момент словник этого словаря состоит из 38 единиц русского языка, проект создан относительно недавно — в 2020 г., поэтому давать ему оценку рано. (Попутно отметим, что «судьба» таких электронных проектов, как «Викилексия», DataSlov и т. п., показательна: будучи «лабораторными», закрытыми, они нередко «обречены» на стагнацию или вовсе на прекращение своего функционирования.) Важно в рамках настоящего исследования сказать о принципах составления этого словаря, которые во многом близки принципам РВ: вносить изменения в материалы может каждый, основное отличие — более сложная система модерации (collaborative-institutional dictionaries), которая, скорее всего, станет (или уже стала, судя по объёму статей) препятствием для развития проекта. В целом сегодня лексикографы всё чаще стремятся перенести неографию в сеть. В этом отношении важен ресурс «Русская академическая неогRAFия» (<https://neographia.iling.spb.ru>), авторы которого стремятся так же, как редакторы РВ, отразить изменения, происходящие на данный момент в языке. При этом можно уверенно говорить, что Викисловарь значительно опережает другие лексикографические источники в фиксации новых слов. Это отмечается в научных

работах не только лингвистов¹⁶, доказавших это [KISELEV, KRIZHANOVSKY... 2015, 263], но и исследователей из других областей научного знания¹⁷.

Существуют другие лексикографические онлайн-проекты, в которых может принять участия любой желающий, — «Словоново», «Словоборг», Teenslang и др. Их объединяет комплексность описания единицы без опоры на авторитетные источники и при отсутствии чётких критериев её включения. Утилитарная ценность таких проектов низка, они интересны скорее как платформы для самовыражения, метаязыковых рефлексий, коммуникации, а не в качестве лексикографического ресурса. Иногда можно говорить, что и содержание статей РВ является отражением «обыденного метаязыкового сознания» (Н. Д. Голев), но это является не нормой, а отступлением от нее: хотя Викисловарь — дескриптивный словарь, он должен рассматривать факты языка, а не речи и описывать их согласно выработанной традиции, закреплённой в правилах. В то же время вклад редакторов РВ иногда «отличается» «неразборчивой фиксацией случайного» ([KRY SIN 2011, 3]) (например, вносятся новые единицы на том этапе их «существования», когда непонятно, являются они фактом речи или языка). При этом РВ следует отделять от явно любительских работ (например, сочинений А. В. Трехлебова, Ю. А. Хлесткова, Н. Н. Вашкевича и мн. др.): лексикографическая концепция и правила не «позволяют» это сделать.

Заметим, что электронные словари в настоящее время являются лексикографическим мейнстримом, и РВ, будучи, по нашему мнению, «главным» проектом среди электронных словарей, тем самым является одним из «главных» проектов современной русской лексикографии.

Интерес представляет сравнение РВ с бумажными словарями. По данным исследования [KISELEV, KRIZHANOVSKY... 2015], в Викисловаре 81 тыс. уникальных определений — самый низкий показатель среди сравниваемых авторами толковых словарей (например, [JEFREMOVA 2000] — 155,6 тыс., [JEVGEN'JEVA 1999] — 121,5 тыс.), при этом среднее количество определений на статью самое высокое — 1,89 (следом — [JEFREMOVA 2000] — 1,72), как и средняя длина самих определений — 6,87 слов (следующий в списке — вновь словарь Ефремовой — 5,51 слов).

Нами также был проведён сопоставительный анализ. Мы взяли 100 «случайных» языковых единиц — воспользовались так называемым рандомизатором в РВ (/Службная:Случайная страница). Для сопоставления были выбраны следующие словари: [ČERNYŠEV 1948–1965], [KUZNECOV 1998], [OŽEGOV, ŠVEDOVA 1999], [JEVGEN'JEVA 1999], [JEFREMOVA 2000]. Отметим

16 См., напр.: [KISLJAKOVA 2015, 18–24], [RADBIL' 2020, 759–774].

17 См., напр.: [KOLBJAGINA, KIREJENKO 2021].

некоторые важные особенности, обнаруженные нами при сопоставлении. Из 100 «случайных» языковых единиц РВ только 42 наличествуют хотя бы в одном из перечисленных бумажных словарей. Отсутствуют в основном неологизмы, слова, вошедшие в употребление после публикации словаря («европарламентарий», «логирование» и др.), в большом количестве специальные слова, термины («ультрамикроскоп», «трилингвизм» и др.), дееспричастия на -вши и др. единицы, в основном — малоупотребительные и нелитературные. Можно сказать, что отсутствие статей о некоторых «случайных» словах в основном объясняется лексикографической традицией. Часто РВ уступает другим словарям отсутствием примеров употребления (в 29 словарных статьях из 42), необходимых помет (в 9 статьях); иногда вообще отсутствием толкования (в 4 статьях). Говорить, что приведённый сравнительный анализ отражает положение Викисловаря как лексикографического ресурса, сложно. Главная причина — скорость изменений в РВ: «Затруднительно сравнивать другие словари с Викисловарём, поскольку любые сравнения быстро устаревают» [SMIRNOV, KRUGLOV, KRIŽANOVSKIJ, LUGOVAJA, KARPOVA, KIPJATKOVA... 2012, 232]. С одной стороны, нередко читателю приходится сталкиваться с незаполненностью многих секций словаря, а с другой, например, «больше всего выделенных антонимических отношений между русскими словами зафиксировано на сегодняшний день в Русском Викисловаре» [MUCHIN 2018, 359]. РВ — это не готовый к использованию словарь, как бумажный словарь, он находится в состоянии постоянного редактирования и маловероятно, что когда-нибудь будет дописан: Викисловарь, как и язык, являясь его «зеркалом» [JAN'BIN 2018], будет развиваться, пока живёт человек — носитель языка.

При изучении РВ как лексикографического проекта важным является **оценка** этого словаря лингвистами и лексикографами. Большинство исследователей лишь в общем пишут о РВ. В статье «Количественный анализ лексики русского WordNet и викисловарей» А. В. Смирнов, В. М. Круглов и др. отмечают «наиболее привлекательные» черты Викисловаря, к которым относят «многоязычность, огромный объём данных и высокую скорость пополнения» [SMIRNOV, KRUGLOV, KRIŽANOVSKIJ, LUGOVAJA, KARPOVA, KIPJATKOVA... 2012, 235]. В. Яньбин пишет о перспективах развития РВ: «[...] Викисловарь, при условии успешной реализации своей концепции, может стать нормативным орфографическим, орфоэпическим, грамматическим, этимологическим справочником, базой данных для построения тезауруса, источником информации о процессе неологизации современного русского языка» [JAN'BIN 2018, 81]. А. Б. Антопольский называет Викисловарь «ценным источником онтологической и лексико-семантической информации» [ANTOPOL'SKIJ 2021, 123]. Н. Г. Бабенко и Н. Е. Лихина характеризуют Викисловарь как «источник непрофессиональной («народной»)

лексикографии» [BABENKO, LICHINA 2019, 25]. В докладах М. А. Кронгауза [KRONGAUZ 2020] и Б. Л. Иомдина [IOMIN 2020] РВ фигурирует как важное явление современной интернет-лексикографии, хотя с научной точки зрения оценивается скорее отрицательно.

Оценка РВ представлена в нескольких работах В. А. Ефремова, специалиста в области лексикографии, который последовательно (2014, 2015, 2016, 2020) характеризует Викисловарь как «наиболее яркий и масштабный пример наивной лексикографии» [JEFREMOV 2015, 60]. В 2014 г. на одной из своих лекций Ефремов сказал, что РВ — ресурс, которым он «ни в коем случае не рекомендует пользоваться» участникам Летней школы в Варне [JEFREMOV 2014]. В работе 2016 г. Ефремов более подробно рассмотрел РВ: «Следует отдать должное: руководство по написанию словарных статей [...] составлено грамотно и лингвистически корректно. Однако воплощение лексикографических чаяний авторов проекта весьма далеко от идеального [...]» [JEFREMOV 2016, 492]. Исследователь пишет о неполноте статей словаря, отсутствии вариативности и многих других «промахах». Перемены в Викисловаре не изменили взгляды Ефремова на данный словарь, и в статье 2020 г. он вновь характеризует его как «наиболее яркий и масштабный пример наивной лексикографии» [JEFREMOV 2020, 34]. Примечательно, что исследователь называет РВ «свободной энциклопедией» [JEFREMOV 2014, 81], а также «значимой частью портала знаменитой Википедии» [JEFREMOV 2016, 492], что является ошибкой, которая часто встречается в работах исследователей¹⁸. Это отчасти свидетельствует о несерьёзности, поверхностности изучения Викисловаря.

Достаточно подробно РВ рассматривает Д. Н. Чердаков в статье «*Словари русского языка в интернете*» (2020). Исследователь, говоря о лексикографических ресурсах, существующих в интернете, отмечает, что Викисловарь занимает среди них особое место: Чердаков полагает, что его нельзя отнести ни к «авторитарным», ни к «неавторитетным» ресурсам [ČERDAKOV 2020, 195]. По мнению исследователя, ирония по отношению к Викисловарю, которая существовала в научном сообществе ранее, ослабевает. Автор пишет об актуальности профессиональных претензий к статьям РВ, но вместе с тем указывает: «Представление о Викисловаре как торжестве наивной лингвистики, конечно, преувеличено. В несправедливости такой оценки можно убедиться, взглянув на те обсуждения, которые ведут администраторы Русского Викисловаря [...]» [ČERDAKOV 2020, 201]. Д. Н. Чердаков отмечает, что РВ «задаёт ориентиры в организации лексикографического интернет-пространства» [ČERDAKOV 2020, 201], он считает важными открытость его словника и «бесконечную

18 См.: [GOLEV 2014, 48]; [APAŽEVA 2014, 138–144]; [ŠKUROPACKAJA 2016, 191–201].

подвижность лексикографического описания», которые формируют «феномен словаря как коррелята самой языковой действительности в её не познанных до конца границах и непрерывном изменении» [ČERDAKOV 2020, 202].

Разнообразии оценок РВ выявляет неоднозначность отношения к данному лексикографическому проекту, рассмотрение которого в целом происходит поверхностно. Большинство исследователей признают лексикографическую значимость этого словаря, однако отмечают его неакадемический характер, говорят о нём как о форме наивной, народной лексикографии.

Изучив и проанализировав Русский Викисловарь как лексикографический проект, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, это уникальный проект в истории русской лексикографии: он ставит своей задачей описать все языковые единицы всех существующих и когда-либо существовавших языков мира и в настоящее время является самым большим комплексным словарём, написанным на русском языке. Возможно, в будущем Викисловарю удастся приблизиться к решению проблемы создания тезауруса — словаря, в котором «все слова данного языка представлены максимально полно и с исчерпывающим перечнем их употребления в тексте» [Tezaurus...]. Во-вторых, Русский Викисловарь существует согласно определённым принципам, которые обеспечивают устойчивость развития проекта: полнота охвата, единообразие, системность, интегральность, проверяемость данных и др. Особенно следует отметить принцип, согласно которому любой желающий может принять участие в проекте (хотя значимую часть работы в викисловарях выполняет лишь часть редакторов и в последнее время прослеживается тенденция к закрытости), а также принцип, по которому среди источников для написания словарной статьи преимущество отдаётся текстовым корпусам. В-третьих, можно говорить о том, что на данный момент авторитетность Русского Викисловаря как лексикографического ресурса низка, и некоторые другие словари качественно «обходят» его, но при этом следует помнить, что он является не готовым к использованию словарём, а находится в состоянии постоянного редактирования. В-четвёртых, разнообразие оценок Русского Викисловаря выявляет неоднозначность отношения профессионального сообщества к данному лексикографическому проекту.

Подводя итог, отметим, что в настоящей работе мы описали лишь один из этапов развития Русского Викисловаря, на котором он сейчас находится, — этап составления картотеки, экстенсивного лексикографирования.

Мы полагаем, что существующие подходы к рассмотрению Викисловаря как прикладного «инструмента» (академического или прескриптивного словаря) являются не совсем верными. Викисловарь — «первопроходец» среди масштабных электронных словарей, и его нужно рассматривать скорее как ранние

академические лексикографические опыты или словарь В. И. Даля, ценный источник о языке, создаваемый, подобно самому языку, его носителями.

Библиография:

- ABEL, A., MEYER, C. M. (2013): *The Dynamics Outside the Paper: User Contributions to Online Dictionaries*. In: Proceedings of the 3rd eLex Conference «Electronic Lexicography in the 21st Century: Thinking Outside the Paper». Tallinn, pp. 179–194. *Administratory Russkogo Vikislovarja*. <<https://ru.wiktionary.org/wiki/BC:A>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- ANTOPOL'SKIJ, A. B. (2021): *Lingvističeskije resursy i tehnologii v Rossii: sostojanije i perspektivy*. Social'nyje novacii i social'nyje nauki, 2021, № 2, s. 114–131.
- APAŽEVA, L. T. (2014): *Model' jazykovej ličnosti sub"jekta virtual'noj komunikacii*. Aktual'nyje problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki, 2014, № 16, s. 138–144. *Archiv obsuždenija učastnika Al Silonov, 2021 god*. Russkij Vikislovar'. <https://ru.wiktionary.org/wiki/OY:Al_Silonov/archive2021>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- BABENKO, N. G., LICHINA, N. Je. (2019): *Neosemantizacija slova «niščebrod» v sovremennoj russkoj reči*. Naučnyj dialog, 2019, № 11, s. 23–33.
- ČERDAKOV, D. N. (2020): *Slovari russkogo jazyka v internete*. Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2020, № 2, s. 193–209.
- ČERNYŠEV, V. I. (red.). (1948–1965): *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. V 17 t. Moskva.
- DataSlov*. <<https://dataslov.ru>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Data.tab*. *Wikipedia Statistics*. <https://commons.wikimedia.org/wiki/Data:Wikipedia_statistics/data.tab>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- DESCY, D. E. (2006): *The Wiki: True Web Democracy*. TechTrends, 2006, № 50, pp. 4–5. *Discussion Announcing the Opening of the Wiktionary*. <<https://lists.wikimedia.org/pipermail/wikipedia-l/2002-December/008311.html>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Discussion from L. Sanger Giving the Idea on Wiktionary*. <<https://lists.wikimedia.org/pipermail/wikipedia-l/2001-April/000076.html>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- FUERTES-OLIVEIRA, P. A. (2009): *The Function Theory of Lexicography and Electronic Dictionaries: «Wiktionary» as a Prototype of Collective Free Multiple-Language Internet Dictionary*. In: BERGENHOLTZ, H., NIELSEN, S., TARP, S. (eds): *Lexicography at a Crossroads: Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow*. Bern, pp. 99–134.
- GAK, V. G. (1977): *O nekotorych zakonomernostjach razvitija leksikografii (učebnaja i obščaja leksikografija v istoričeskom aspekte)*. In: RED'KIN, V. A. (sost.): *Aktual'nyje problemy učebnoj leksikografii*. Moskva, s. 11–27.

- GOLEV, N. D. (2014): «*Vikileksija*» — *narodnyj internet-slovar': innovacionnyj leksikografičeskij projekt*. *Voprosy leksikografii*, 2014, № 2, s. 31–67.
- GORBAČEVIČ, K. S. (red.). (2019): *Bol'šoj akademičeskij slovar' russkogo jazyka*. V 30 t. T. 26. Sankt-Peterburg.
- JAN'BIN, V. (2018): *Vikislovar' kak leksikografičeskoje «zerkalo èpochi»*. *Filologičeskije nauki*. *Voprosy teorii i praktiki*, 2018, № 1, s. 77–81.
- JEVGEN'JEVA, A. P. (red.). (1999): *Slovar' russkogo jazyka*. V 4 t. Moskva.
- JEFREMOV, V. A. (2015): *Grammar-naci: rečevaja agressija i naivnaja leksikografija*. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 2015, № 5, s. 56–65.
- JEFREMOV, V. A. (2014): *Internet-slovari i slovari v internete*. In: VI Meždunarodnaja letnaja kvalifikacionnaja škola «Sovremennye pedagogičeskije tehnologii v obučenii russkomu jazyku kak inostrannomu». <<https://youtu.be/ELDhptd96rQ?t=4850>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- JEFREMOV, V. A. (2020): *Kul'tura reči: vzgljad iz interneta*. *Mir russkogo slova*, 2020, № 3, s. 34–39.
- JEFREMOV, V. A. (2016): *Mify o russkom jazyke, ili o formach naivnoj lingvistiki v internete*. *Čuždojezиково обučenje*, 2016, № 4, s. 491–496.
- JEFREMOVA, T. F. (2000): *Novyj slovar' russkogo jazyka*. *Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. Moskva.
- IOMDIN, B. L. (2020): *Mnogoznačnyje slova v slovarjach russkogo jazyka*. In: Vserossijskaja onlajn-konferencija «Problemy aktualizacii, rasširenija i obnovlenija spiska slovaroj, grammatik i spravočnikov, vchodjaščich v “Spisok grammatik, slovaroj i spravočnikov, soderžaščich normy SRLJA pri jeho ispol'zovanii v kačestve gosudarstvennogo jazyka RF”». <https://youtu.be/hWIXjIFgu_o?t=10111>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Kategorija:Russkij jazyk*. *Russkij Vikislovar'*. <https://ru.wiktionary.org/wiki/К:Русский_язык>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- KISELEV, Y., KRIZHANOVSKY, A., BRASLAVSKI, P., MENSHIKOV, I., MUKHIN, M., KRIZHANOVSKAYA, N. (2015): *Russian Lexicographic Landscape: A Tale of 12 Dictionaries*. In: SELEGEJ, V. P. (red.): *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nyje tehnologii: Po materialam ježegodnoj Meždunarodnoj konferencii «Dialog» (2015)*. V 2 t. T. 1. Moskva, s. 254–271.
- KISLJAKOVA, Je. Ju. (2015): *Semantika drugogo: opyt semasiologičeskoj konkretizacii*. *Mir russkogo slova*, 2015, № 3, s. 18–24.
- KOLBJAGINA, L. A., KIREJENKO, A. P. (2021): *K voprosu opredelenija bjužetoobrazujuščej otrasli regiona*. *Baikal Research Journal*, 2021, № 1. <<http://brj-bguep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=24373>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- KOZYREV, V. A., ČERNJAK, V. D. (2012): *Sovremennaja jazykovaja situacija i rečevaja kul'tura*. Moskva.

- KRONGAUZ, M. A. (2020): *Kakije slovori nam (ne) nužny?* In: Vserossijskaja onlajn-konferencija «Problemy aktualizacii, rassirenija i obnovlenija spiska slovarej, grammatik i spravocnikov, vchodjaščich v “Spisok grammatik, slovarej i spravocnikov, soderžaščich normy SRLJA pri jeho ispol’zovanii v kačestve gosudarstvennogo jazyka RF”». <https://youtu.be/hWIXjIFgu_o?t=316>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- KRYSIN, L. P. *Problema obnovlenija tolkovych slovarej sovremennogo russkogo jazyka*. Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka, 2011, № 1, s. 3–9.
- KUZNECOV, S. A. (red.) (1998): *Bol’šoj tolkovyj slovar’ russkogo jazyka*. Sankt-Peterburg. *Leksikografičeskaja koncepcija Russkogo Vikislovarja*. <<https://ru.wiktionary.org/wiki/BC:ЖК>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Meta.tab. Wikipedia Statistics*. <https://commons.wikimedia.org/wiki/Data:Wikipedia_statistics/meta.tab>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- MEYER, C. M., GUREVYCH, I. (2012): *Wiktionary: A New Rival for Expert-built Lexicons? Exploring the Possibilities of Collaborative Lexicography*. In: GRANGER, S., PAQUOT, M. (eds): *Electronic Lexicography*. Oxford, pp. 259–291.
- MUCHIN, M. Ju. (2018): *Tvorčeskij podchod k slovarnomu delu: antonimija v Russkom Vikislovarje*. Ural’skij filologičeskij vestnik. Serija «Jazyk. Sistema. Ličnost’: Lingvistika kreativa», 2018, № 2, s. 358–365.
- NIELSEN, S. (2008): *The Effect of Lexicographical Information Costs on Dictionary Making and Use*. *Lexicos*, 2008, 18, pp. 170–189.
- О «*Gramote.ru*». <<http://dic.gramota.ru/gramota/about/>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- OŽEGOV, S. I., ŠVEDOVA, N. Ju (1999): *Tolkovyj slovar’ russkogo jazyka*. Moskva.
- OL’CHOVSKAJA, A. I. (2016): *Aktivnyje processy v otečestvennoj leksikografii*. *Dinamika jazykovych i kul’turnych processov v sovremennoj Rossii*, 2016, № 5, s. 418–423.
- PENTA, D. J. (2011): *The Wiki-fication of the Dictionary: Defining Lexicography in the Digital Age*. In: *Media in Transition 7 Conference* (Massachusetts Institute of Technology). Cambridge. <[https://web.mit.edu/comm-forum/legacy/mit7/papers/Penta_Wikification_of_Dictionary%20\(Draft\).pdf](https://web.mit.edu/comm-forum/legacy/mit7/papers/Penta_Wikification_of_Dictionary%20(Draft).pdf)>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Policies and Guidelines*. English Wikipedia. <<https://en.wikipedia.org/w/index.php?oldid=294531>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Proverka stranic Russkogo Vikislovarja*. <https://ru.wiktionary.org/wiki/BC:Проверка_страниц>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Proverjajemost’ statej Russkogo Vikislovarja*. <<https://ru.wiktionary.org/wiki/BC:ПРОВ>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- RADBIL’, T. B. (2020): «*Samoizoljacija*» kak novejšij russkij kul’turnyj koncept: *kognitivno-diskursivnyj aspekt*. *Kommunikativnyje issledovanija*, 2020, № 4, s. 759–774.
- SILONOV, A. F. (2015): *Vikislovar’: celi, metody formirovanija i struktura*. Zasedanije naučnogo seminaru «Komp’juternaja lingvistika: metody i tehnologii» ot 12.02.2015. <<https://youtu.be/udgbaIrzB1I?t=3487>>. [online]. [cit. 11.07.2022].

- SKLJAREVSKAJA, G. N. *Ideja leksikografičeskoj parametrizaciji i jeje realizacija v sovremenom tolkovom slovaru živogo ruskogo jazyka*. Mir ruskogo slova, 2017, № 1, s. 11–17.
- SMIRNOV, A. V., KRUGLOV, V. M., KRIŽANOVSKIJ, A. A., LUGOVAJA, N. B., KARPOVA, A. A., KIPJATKOVA, I. S. (2012): *Količestvennyj analiz ruskogo WordNet i viki-slovaraj*. Trudy SPIIRAN, 2012, № 4, s. 231–253.
- ŠČERBA, L. V. (2004): *O trojakom aspekte jazykovykh javlenij i ob èksperimente v jazykoznanii*. In: ŠČERBA, L. V. *Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost'*. Moskva, s. 24–39.
- ŠKUROPACKAJA, M. G. (2016): *Derivacionnyj potencial slova i jeje rečevaja realizacija (na materiale imen prilagatel'nykh so značenijem cveta v ruskom jazyke)*. Filologija i čelovek, 2016, № 2, s. 191–201.
- TARP, S. (eds.). (2009): *Lexicography at a Crossroads: Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow*. Bern, pp. 99–134.
- Tekuščije sobytija Ruskogo Vikislovarja*. <<https://ru.wiktionary.org/wiki/BC:TC>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Tezaurus*. BRĚ. <<https://bigenc.ru/linguistics/text/4185306>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Wikimedia Statistics*. <<https://stats.wikimedia.org>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- Wiktionary: Archives*. 2002. <<https://meta.wikimedia.org/wiki/Talk:Wiktionary/Archives/2002>>. [online]. [cit. 11.07.2022].
- WOLFER, S., MULLER-SPITZER, C. (2016): *How Many People Constitute a Crowd and What Do They Do? Quantitative Analyses of Revisions in the English and German Wiktionary Editions*. Lexikos, 2016, vol. 26, pp. 347–371.

About the author

German Meister, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Institute of Russian Language and Literature, Volgograd, Russia, german.meyster@gmail.com

Současná ruská literatura a její česká recepce z perspektivy rusistických periodik¹

Contemporary Russian Literature and its Czech Reception in Periodicals on the Russian Studies

Современная русская литература и ее чешская рецепция с точки зрения периодических изданий по русистике

Lenka Odehnalová

(Hradec Králové, Brno, Česká Republika)

Abstract:

The paper maps Czech reception of contemporary Russian literature in periodicals on the Russian Studies *Rossica Olomucensia*, *Philologia Rossica* and *Novaya rusistika* over the past ten years (2012–2021) with focus on the published studies. The author also pays attention to other specialized periodicals focused on Slavic languages and literatures in which essays on contemporary Russian literature can be published. The paper deals with methodological grounds from which the current Russian literature is examined and which phenomena, authors or themes have been studied and prioritized in the periodicals over the past ten years.

Key words:

contemporary Russian literature; reception; Czech milieu; Czech periodicals on the Russian Studies; methodological grounds; comparison

1 Studie je výsledkem práce v oblasti vědy, výzkumu, tvůrčí činnosti a dlouhodobého rozvoje PdF UHK (postdoktorská pracovní pozice) a je financována ze zdrojů určených a poskytnutých za tímto účelem.

Абстракт:

В статье отражена чешская рецепция современной русской литературы на страницах периодических изданий по русистике *Rossica Olomucensia*, *Philologia Rossica* и *Новая русистика* за последние десять лет (2012–2021), ориентированная на опубликованные исследования. Автор статьи не упускает из виду и другие научные периодические издания, посвященные проблематике славянских языков и литературы, в которых также могут быть опубликованы исследования по современной русской литературе. Цель статьи заключается в том, чтобы ответить на вопросы, какие методологические основы применяются в современной русской литературе; какие явления, авторы или темы были исследованы и заняли приоритетное место на страницах периодических изданий за последние десять лет.

Ключевые слова:

современная русская литература; рецепция; чешская среда; чешская научная периодическая литература по русистике; методологические основы; сравнение

Рецепce (současné) ruské literatury

Рецепce představuje důležitou součást zkoumání literárních artefaktů, spisovatelských osobností i národních literatur. Recepce ruské literatury byla v českém prostředí věnována řada odborných publikací s různým zaměřením a přístupem, například literárněhistorickým, překladovým, komparativním nebo personalistickým. Z množství prací proto vybíráme několik významných příkladů. První české dějiny ruské literatury zpracoval koncem 19. století Alois Augustin Vrzal (A. G. Stín), autor zatím jediného překladu románové kroniky N. S. Leskova *Duchovenstvo sborového chrámu* (1872, čes. 1903), a publikoval je s názvem *Historie literatury ruské XIX. století*.² Cenným příspěvkem k recepci novější ruské literatury je rozsáhlá monografie Milana Hraly *Ruská moderní literatura 1890–2000* (2007). Lze také uvést publikaci syntetizujícího charakteru *Kapitoly z dějin českého překladu*, z níž rovněž pochází i studie z pera již zmiňovaného Milana Hraly pojednávající o recepci ruské literatury na základě vznikajících českých překladů národním obrozením počínaje a poválečným obdobím konče. Za zmínku dále rozhodně stojí i přehledová publikace Iva Pospíšila

2 Lze doplnit i další publikace autora: *Přehledné dějiny nové literatury ruské* (1926) a *Ruská literatura v XX. století* (1926).

Spálená křídla: malý průvodce po české recepci ruské prózy 70. a 80. let 20. století (1998) pojednávají o tvorbě ruských a sovětských spisovatelů na materiále publikovaných článků, recenzí nebo doslovů, a zejména monografie *Ruská literatura: setkání a konfrontace* (2021), v níž jsou reflektovány jevy nacházející se dlouhodobě na okraji zájmů českých rusistů. Personalistický přístup reprezentuje například monografie Danuše Kšicové *Ruská literatura v interpretaci Františka Táborského* (1980).

K nejvýznamnějším publikacím s tematikou současné ruské literatury patří dvě kolektivní monografie olomouckých badatelů *Současná ruská, polská a ukrajinská literatura* (2013) a *Současné ruské drama* (2014). První z uvedených publikací má vzhledem ke zkoumání tří národních literatur komparativní ráz. Část zabývající se ruskou literaturou je uvedena studii Zdeňka Pechala a Zdeňky Vychodilové, v dalších částech jsou zpracovány biografie ruských spisovatelů, jež jsou doplněny studii o specifikách jejich děl a rovněž překlady úryvků z jejich tvorby do českého jazyka. Další publikaci, jež je zaměřena na současnou ruskou dramatickou tvorbu, uvádějí studie Martiny Pálušové a Zdeňky Vychodilové. Podobně, jak tomu bylo v publikaci [PECHAL 2014], jsou v ní zařazeny odborné medailonky autorů i úryvky z jejich dramatické tvorby.

Ke zkoumání recepce současné ruské literatury přispěl svými studii³ i další brněnský badatel Josef Šaur, jenž se zaměřil na ohlasy tvorby současných ruských spisovatelů na základě knižně vydaných překladů jejich děl do českého jazyka. Ve studii [ŠAUR 2018a] přichází k závěru, že ze všech publikovaných překladů z ruštiny umělecká literatura představuje pouze jednu čtvrtinu a až 60 % z ní tvoří nové překlady dříve vydaných děl nebo vydání již existujících starších překladů. Poukazuje na jistou jednostrannost a konstatuje, že do českého jazyka jsou překládána především díla, která tematicky zpracovávají ruské dějiny 20. století nebo současné Rusko: „současná ruská literatura je v českém prostředí v poslední době prezentována spíše jednostranně, resp. že je vyzvedávána jen její část. Pozornost se soustředí především na díla s obsahem kritickým vůči ruské současnosti.“ [ŠAUR 2018a, 203].

Šaur dále konstatuje, že v těchto dílech jsou akcentovány politické a společenské postoje autorů, přičemž umělecké kvality děl jsou upozaděny a jen minimální pozornosti se však dostává dílům bez přesahu ke společenským a politickým otázkám. [ŠAUR 2018a, 202–203]. Další studie Josefa Šaura [ŠAUR 2018b] již přináší zaměření na recepci tvorby vybraných autorů, jimiž jsou Gluchovskij, Rubina, Vodolazkin a Silajev. Autor si všímá zejména přijetí, resp. nepřijetí zkoumaných děl, což prokazuje, jakým dokáže být česká recepce ruské literatury jevem paradoxním a nevyzpytatelným. [ŠAUR 2018b, 179–180].

3 Blíže viz [ŠAUR 2018a], [ŠAUR 2018b], [ŠAUR 2018c].

V souvislosti s recepcí současné ruské literatury v českém prostředí odkazujeme i na monografii ruské autorky Iriny Vladimirovny Někrasovové věnovanou problematice současné ruské prózy a publikovanou v Brně, i když autorkou této monografie není česká badatelka, publikace *Современная русская проза: закономерности, тенденции, имена* (2018) byla vydána v českém prostředí s významným podílem Ústavu slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity.

Tři rusistická periodika

Cílem příspěvku je zmapovat českou recepci současné ruské literatury ve třech rusistických periodikách, jež pravidelně vycházejí v českém prostředí – *Rossica Olomucensia*, *Novaja rusistika* a *Philologia Rossica* – za posledních deset let (2012–2021). Se zaměřením na publikované studie si klademe za cíl odpovědět na otázky, z jakých metodologických východisek je současná ruská literatura zkoumána, jaké jevy, autoři nebo témata jsou na stránkách periodik za posledních deset let zkoumány a upřednostňovány.

Prvním ze zkoumaných rusistických periodik je *Rossica Olomucensia* vydávaná Filozofickou fakultou Olomoucké univerzity. *Rossica Olomucensia* vychází již od roku 2008 dvakrát ročně, etablovala se jako časopis primárně pro ruskou filologii, vytváří však platformu i pro další slovanské filologie. Vznikala nikoli jako nové periodikum, ale transformací stejnojmenných ročenek (Jahrbuch) s cílem informovat o aktuálním vědeckém i pedagogickém dění na rusistickém pracovišti. [POSPÍŠIL 2009, 109]. V současnosti je toto periodikum indexováno v mezinárodních databázích ERIH+, EBSCO a CEEOL. Jestliže pohlédneme na strukturu periodika, odborné filologické studie vytvářejí přibližně 80 % čísla [*Rossica...*], ve většině případů se jedná o příspěvky z oblasti jazykovědné a literárněvědné rusistiky, zastoupeny však rovněž i jsou příspěvky z oblasti ukrajinistiky a polonistiky.

Od roku 2011 lze najít o současné ruské literatuře pouze čtyři studie, z nichž dvě se tématu dotýkají jen částečně. Jedná se o studie z let 2012 a 2014, konkrétně texty olomouckých badatelek Martiny Pálušové [PÁLUŠOVÁ 2012, 171–182] a Zdeňky Vychodilové [VYCHODILOVÁ 2014, 25–32]. Obě autorky se věnovaly problematice překladu, Martina Pálušová zaměřila svoji pozornost na českou podobu dramatu Nikolaje Koljady *Slepice*, Zdenka Vychodilová se soustředila na překlady tvorby současných ruských spisovatelů, například A. Astvacaturova, M. Osipova, A. Iličevského a dalších.

Literárněvědné studie reflektující současnou ruskou literaturu byly publikovány až v roce 2019, přičemž obě studie se objevily ve druhém čísle periodika. Ivo Pospíšil zkoumal literárněvědný portrét v memoárech sovětského literárního vědce Leonida Frizmana s názvem *В кругах литературоведов. Мемуарные очерки* (2017). Vznik

žánrů na pomezí faktu a fikce, věcné literatury a belles lettres se v současnosti stává předmětem značného zájmu badatelů. Poslední studie, která téma současné ruské literatury přináší, je studie Niny Barkovské *Жизнетворчество в книге Виталия Кальпиди «Философия поэзии»* [BARKOVSKAJA 2019]. V posledních letech nejsou v periodiku přítomny studie, které by problematiku současné ruské literatury zpracovávaly, lze proto konstatovat, že z tematického hlediska se autoři spíše vrací do minulosti, konkrétně k emigrantské literatuře (M. Aldanov, M. Cvetajevová, V. Nabokov, a další) a ruské literatuře první poloviny 20. století (A. Achmatovová, A. Grin, M. Gorkij, M. Prišvin a další). Výrazné zastoupení má jazyková, resp. překladatelská analýza (Vychodilová, Pálušová), až poslední zmiňované studie se věnují literárněvědné analýze, blíže literárněvědnému portrétu a literatuře osobního dokumentu (Pospíšil, Barkovská). Z hlediska identity autorů jasně dominují čeští autoři.

V tomtéž roce jako *Rossica Olomucensia* začal vycházet i brněnský časopis *Novaja rusistika* vydávaný Českou asociací slavistů ve spolupráci s Filozofickou fakultou Masarykovy univerzity. *Novaja rusistika* byla koncipována jako mezinárodní časopis současné filologické a areálové rusistiky, současně s tím měla navazovat na tradici *Československé rusistiky*⁴, časopisu, jenž v Československu vycházel od roku 1956 a jehož vydávání bylo bohužel na konci roku 1990 a v předvečer rozdělení Československa zastaveno [*Novaja...*].

V průběhu let se *Novaja rusistika* stala respektovaným tuzemským periodikem, jež je uvedeno v mezinárodních databázích ERIH+, EBSCO a CEEOL. Z hlediska charakteru se časopis skládá ze čtyř částí: 1. Studie, 2. Marginálie, 3. Recenze, 4. Informatorium. Za posledních deset let bylo v *Nové rusistice* publikovaných několik studií s tematikou současné ruské literatury. V roce 2013 vyšla studie Vladimíry Válkové věnovaná románovému dílu ruského spisovatele Jevgenije Griškovce *Год жизни* (2008), které je psáno jako deník ve formě internetového blogu. Autorka studie definuje dílo Griškovce z hlediska literárního žánru a srovnává jej s deníkovými záznamy Michala Viewegha, přičemž rovněž naznačuje srovnání s klasickými díly deníkového žánru v ruské a české literatuře – Dostojevského *Deníkem spisovatele a Šlépějemi* Jakuba Demla. V souvislosti s naším tématem vyšla o dva roky později studie Jekatěřiny Mikešové, jež se zabývá divadelní hrou Ivana Vyrypajeva *Танец Делу* (2009) i filmem, který vznikl na základě syžetu hry.

Na současnou ruskou poezii je zaměřena studie Jany Kostincové [KOSTINCOVÁ 2020]. Přesněji se jedná o transmediální poezii, jež vzniká jakožto poetologický experiment na základě projektu dvou autorů Pavla Arsenjeva a Michaila Kurtova soustředěných kolem petěrburgského časopisu [*Translit*], a je psána pomocí algoritmu

4 O tomto periodiku blíže viz studie Miluše Bubeníkové [BUBENÍKOVÁ 2016].

Dora Vey. Problematice digitální poezie se věnuje i dřívější studie autorky [KOSTINCOVA 2016]. Dále lze ještě zmínit i studii Jakuba Kapičiaka mapující působení Dmitrije Prigova na umělce v současném Rusku [KAPIČIAK 2020].

Lze pozorovat, že ve studiích na stránkách *Nové rusistiky* jsou zastoupeny všechny literární rody, nejvíce však lyrika (Kostincová). Z hlediska autorského přístupu dominuje komparativní přístup.

Nejmladším ze zkoumaných rusistických periodik je *Philologia Rossica* vydávaná Katedrou ruského jazyka a literatury Pedagogické fakulty Univerzity v Hradci Králové. *Philologia Rossica* vychází od roku 2019 s periodicitou jedenkrát ročně s výjimkou roku 2020, kdy vyšla dvě čísla časopisu. Jelikož časopis zatím vychází krátce, v respektovaných databázích zatím indexován není. Z hlediska problematiky současné ruské literatury se v něm objevily dva články, v chronologickém pořadí článek Larysy Krjukovové v spoluautorství se Simonou Koryčánkovou [KRJUKOVA, KORYČÁNKOVÁ 2019] a studie Iva Pospíšila [POSPÍŠIL 2020]. Zmiňovaná studie Larysy Krjukovové a Simony Koryčánkové [KORYČÁNKOVÁ, KRJUKOVA 2019], jejíž cílem je jazyková analýza románu Diny Rubinové *Syndrom Loutky* (2016, čes. 2018) z aspektu kategorie perceptivnosti, zastává lingvistické hledisko.

Okrajově se současnou ruskou literaturou zabývá rovněž Ivo Pospíšil v článku z roku 2020 [POSPÍŠIL 2020]. Byť je jeho pozornost soustředěna primárně na českou literaturu, i okrajová reflexe dalších slovanských literatur – ruské, ukrajinské a slovenské – přináší své ovoce. Pro svoji analýzu si autor vybírá zejména díla stojící na pomezí beletrie a literatury faktu a následně je srovnává ze tří hledisek: tematického, poetologického a žánrového. Ze současné ruské literatury se vrací k populárnímu spisovateli Jevgeniju Vodolazkinovi a jeho románům *Laurus* (2014) a *Letec* (2016), přičemž blíže poukazuje na specifikum románu *Laurus*: „роман в целом гораздо сложнее и проще одновременно: жизненный путь представляет собой цепи тысячи деталей, связанных воедино и отражающих друг друга в громадных зеркалах бытия [...]“ [POSPÍŠIL 2020, 84]. Za tematickou i morfológickou dominantu románu *Letec* je považována hra s časem a za syžetovou dominantu smutek, deprese a nemožnost překonání zákonitostí vesmíru [POSPÍŠIL 2020, 86].

Kromě uvedených studií za zmínku ještě stojí článek Michaely Peškové [PEŠKOVÁ 2020], jenž se problematice ruské současné literatury sice nevěnuje, ale na základě imagologické a lingvistické analýzy románů Jáchyma Topola *Sestra* (1994), *Kloktat dehet* (2005) a *Citlivý člověk* (2017) popisuje česko-ruské a rusko-české vztahy.

Lze vidět, že čísla časopisu *Philologia Rossica* z let 2019 a 2020 přinášejí o současné ruské literatuře shodně jednu studii, až číslo z roku 2021 je orientováno spíše na studie s jazykovou tematikou nebo problematikou výuky ruského jazyka. V periodiku zatím nebyla publikována žádná studie, v níž by dominovala literárněvědná analýza současné

ruské literatury, pouze jazyková analýza. V periodiku jsou však přítomny studie, které ji reflektují okrajově. Autory publikovaných textů jsou s výjimkou spoluautorství textu [KORYČÁNKOVÁ, KRJUKOVA 2019] čeští badatelé.

Nelze opomenout ani další slavisticky zaměřená odborná periodika, v nichž vycházejí články o současné ruské literatuře, a tím dotvářejí obraz o ní v českém prostředí, například další brněnská periodika *Slavica litteraria* a *Opera Slavica*, a také pražské periodikum *Slavia*. Za zmínku stojí studie N. Rubtcovové *Современный человек творец в романе «Аномалия Камлаева» Сергея Самсонова* (*Slavica litteraria*), M. V. Kirčanova *Историческое воображение российского постмодернизма в прозах Владимира Шарова* (*Opera Slavica*) nebo studie H. Ulbrechtové *Повествование из одного мира — Сьюзан Таубес: Divorcing u Мария Рыбакова: Анна Гром и ее призрак* (*Slavia*).

Závěr

Lze konstatovat, že v rusistických periodikách bylo v posledních deseti letech publikováno relativně malé množství odborných studií, jež se tematicky zabývají současnou ruskou literaturou. V prvním ze zkoumaných periodik *Rossica Olomucensia* dominuje jazyková, resp. překladatelská analýza (Vychodilová, Pálušová), novější studie se věnují literárněvědné analýze a tematicky zpracovávají žánry na pomezí faktu a fikce – literárněvědný portrét, memoáry (Pospíšil, Barkovská). Z hlediska národní identity autorů jasně dominují čeští autoři.

Na stránkách periodika *Novaja rusistika*, jehož hlavním cílem bylo vyplnit bílé místo, které v českém prostředí vzniklo po zastavení činnosti časopisu *Československá rusistika*, se objevily čtyři studie. Autory uvedených studií jsou tuzemští badatelé a jejich práce reflektují problematiku deníku napsaného ve formě internetového blogu (Válková), transmediální a digitální poezie (Kostincová) i současného dramatu (Mikešová). Dominujícím se jeví komparativní přístup.

I když je *Philologia Rossica* nejmladším ze zkoumaných periodik, současné ruské literatuře se věnují dvě studie, tématu se však dotýkají pouze okrajově, a to jazykovou analýzou románu Diny Rubinové (Koryčánková, Krjukova), opět je definováno žánrové pomezí faktu a fikce (Pospíšil). Studie, v níž by byla literárněvědná analýza dominující, zatím v periodiku nenajdeme.

Библиография:

- BARKOVSKAJA, N. V. (2019): *Žiznetvorčestvo v knige Vitalija Kal'pidi «Filosofija poëzii»*. *Rossica Olomucensia*, 2019, № 2, s. 23–34.

- BUBENÍKOVÁ, M. (2016): *K významu akademického časopisu Československá rusistika v dějinách české rusistiky*. Slavica litteraria, 2016, č. 2, s. 183–188.
- KAPIČIAK, J. (2020): *Tracing Dmitri Prigov in Contemporary Russia. Preliminary Remarks on Postmodern (Dis)Continuity*. Novaja rusistika, 2020, № 2, s. 5–18.
- KOSTINCOVA, Ja. (2016): «*Meždu stranicej i stennoj*». *Russkaja cifrovaja literatura v post-cifrovuju epochu*. Novaja rusistika, 2016, № 2, s. 99–107.
- KOSTINCOVÁ, J. (2020): *Dora Vey Lives and Works in St. Petersburg. Russian Poetry Written by People and Algorithms*. Novaja rusistika, 2020, № 1, s. 37–43.
- KRJUKOVA, L., KORYČANKOVA, S. (2019): *K voprosu o sredstvach vyraženiija perceptivnoj semantiki v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petruški»*. Philologia Rossica, 2019, № 1, s. 61–70.
- MIKEŠOVA, Je. (2016): *Teksty Ivana Vyrypajeva v teatre i kino (na primere p'jesy «Tanec Deli»)*. Novaja rusistika, 2016, № 1, s. 5–19.
- Novaja rusistika*. <<https://www.phil.muni.cz/journals/index.php/novaya-rusistika/pages/view/about>>. [online]. [cit. 12.09.2022].
- PÁLUŠOVÁ, M. (2012): *Divadelní hra „Slepice“ Nikolaje Koljady v překladu Gabriely Palyové*. Rossica Olomucensia, 2012, č. 2, s. 171–182.
- PECHAL, Z. et al. (2014): *Současná ruská, polská a ukrajinská literatura*. Olomouc.
- PEŠKOVÁ, M. (2020): *Česko-ruský a rusko-český dialog u Jáchyma Topola a jazyková situace jeho románů*. Philologia Rossica, 2020, č. 2, s. 67–78.
- POSPÍŠIL, I. (2009): *Rossica Olomucensia jako časopis pro ruskou a slovanskou filologii*. Novaja rusistika, 2009, č. 1, s. 109.
- POSPÍŠIL, I. (2019): *Žanr literaturovedčeského portreta u Leonida Frizmana (tema pamjati i jeje aksiologičeskoje značeniije)*. Rossica Olomucensia, 2019, № 2, s. 47–59.
- POSPÍŠIL, I. (2020): *Tema pamjat': kejs stadi na materiale sovremennoj literatury*. Philologia Rossica, 2020, № 3, s. 72–89.
- Rossica Olomucensia*. <<https://www.ff.upol.cz/en/departament-of-slavonic-studies/sekce-rusistiky/veda-a-vyzkum/rossica-olomucensia/>>. [online]. [cit. 10.09.2022].
- ŠAUR, J. (2018a): *Hlavní tendence v aktuální české recepci ruské literatury*. In: POSPÍŠIL, I. (ed.): *Střední Evropa včera a dnes: proměny koncepcí II (jazyk – literatura – kultura – politika – filozofie)*. Brno, s. 197–204.
- ŠAUR, J. (2018b): *Paradoxy české recepcce současné ruské literatury (Gluchovskij, Rubina, Vodolazkin, Silajev)*. In: POSPÍŠIL, I., PAUČOVÁ, L., ZELENKA, M. (eds): *Kontexty literární vědy VIII*. Brno, s. 171–182.
- ŠAUR, J. (2018c): *Aktual'nyje processy v češskoj recepcii russkoj literatury (2012–2016)*. <https://www.researchgate.net/publication/323377493_AKTUALNYE_PROCESSY_V_CESSKOJ_RECEPCII_RUSSKOJ_LITERATURY_2012-2016>. [online]. [cit. 12.05.2022].

VAL'KOVA, V. (2013): *Minimalističeskij roman Jevgenija Griškovca: ot aktera i pisatelja k mediazvezde, pišuščej dnevnik v forme bloga*. Novaja rusistika, 2013, № 2, s. 49–56.

About the author

Lenka Odehnalová, University Hradec Králové, Faculty of Education, Department of Russian Language and Literature; University of Defence, Center of Language Education, Brno, Czech Republic, lenka.odehnalova@uhk.cz

Понимание сна в русских пословицах и поговорках

Гигла Джинджолия

(Пльзень, Чешская Республика)

Феномен сна привлекает пристальное внимание исследователей. Эта тема имеет долгую историю, большую литературу и множество решений. Онтологический статус сна — предмет обсуждения философов и психологов (обзор литературы: [RUDNEV 1999b, 281–284]). Сновидения активно изучаются в аспекте фольклористики, этнолингвистики, семиотики. Народные толкования снов и их мифологические основания изучал Н. И. Толстой [TOLSTOJ 2003, 303–310]. Иномирное пространство сна показано в работе С. М. Толстой [TOLSTAJA 2015, 463–473]. Круг вопросов, относящихся к этой теме, затронут в работах А. В. Гурь: сон в славянской культурной традиции [GURA 2012, 119–122], регламентация поведения человека в связи со сновидениями [GURA 2018a, 79–93], славянские сонники (источники и параллели) [GURA 2018b, 325–328] и др. Механизмы семантизации снов (противопоставление, сходство, метонимия, обобщение, сложные мотивации) выделила С. Небжеговская-Бартминьская [NEBŽEGOV-SKAJA-BARTMIN'SKAJA 2011, 81–92]. Сон рассматривается как семиотическое окно в невидимый «параллельный» мир [LOTMAN 1992, 219–226; ДАНИЛОВА 1993].

Назовем основные идеи, из которых мы исходим в работе. Пословицы и поговорки «не только выражают и межпоколенно транслируют, но и формируют культурное самосознание народа» [TELIJA 1999, 9]. Народные представления о сне могут быть сведены к пяти основным положениям: «1. Сон противопоставляется не-сну, яви, повседневной, обычной жизни. 2. Сон — перевернутая явь, явь наизнанку, оборотная, повседневно не зримая сторона жизни; сон — видимый фрагмент обычно невидимой „параллельной“ жизни. 3. Сон как смерть. Сон равносителен смерти. Как смерть, по народным представлениям, не является концом жизни, а лишь переходом ее в другое состояние, так и сон есть временный переход в другое состояние, в „параллельную жизнь“. 4. Сон как

„тот“ свет. Сон — посещение того света. 5. Сон — это также открытие границы между настоящим и будущим и в то же время настоящим и прошедшим. Отсюда восприятие сна как предсказания, предзнаменования, пророчества, отсюда вера в вещий смысл снов» [TOLSTOJ 2003, 306].

Народные представления о состоянии сна — важный фрагмент традиционной картины мира. Цель статьи — изучение этого состояния, воплощенного в русских пословицах и поговорках. Материалом исследования является более 300 пословиц и поговорок (без учета лексических и грамматических вариантов), отобранных из следующих словарей русского языка: «Пословицы и поговорки русского народа» [DAL' 1997] и «Толковый словарь живого великорусского языка» [DAL' 1981–1982] В. И. Даля, «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина [ZIMIN 2010], «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [BIRICH, МОКИЕНКО, STEPANOVA 1998], «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [МОКИЕНКО, НИКИТИНА 2008] и др.

Материалом исследования служат главным образом пословицы и поговорки, граница между которыми проводится по-разному. При их разграничении мы опираемся на диагностический тест, который предлагают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [BARANOV, DOBROVOL'SKIJ 2013, 77–83]. Характерные особенности пословиц — «рекомендательная сила», «отсылка к общему знанию носителей языка» и др. [BARANOV, DOBROVOL'SKIJ 2013, 80]. Кроме того, в статье приводятся единичные примеры примет, которые связаны со сновидениями: *Собака приснилась — к другу; Лошади приснились — ложь будет*. Они включены в словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля [DAL' 1997]. Примета — «устойчивая связь двух явлений объективной действительности, одно из которых понимается как знак, а второе — как его толкование, обычно в виде прогноза на будущее» [AGAPKINA, BELOVA 2009, 279]. Пословицы, поговорки, приметы и другие малые формы устного народного творчества часто называют паремиями [BARANOV, DOBROVOL'SKIJ 2013, 77].

Пословицы и поговорки вырастают на почве культуры и отражают миропонимание и мировосприятие народа [TELIJA 1999]. Будет интересно обсудить их роль в осмыслении состояния сна. Сон в пословицах и поговорках наделяется признаками, которые отражают изменение ментальных способностей человека в этом состоянии, параметров пространства и времени. Он осмысливается в координатах жизни и смерти, рассматривается в призме зоонимических образов, противопоставляется *бессоннице* и выступает образцом для выражения семантики неопределенности. Набор семантических признаков

сна в пословицах и поговорках неоднороден. Но это не сумма отдельных представлений, а единое целое, синтезирующее опыт народа.

Основными **пространственными параметрами сна** в пословицах и поговорках являются оппозиции «знакомое место — незнакомое место», «близкий — далекий». **Знакомое место** представлено предметами, перенесенными из повседневной жизни человека в снореальность. Здесь фигурируют реалии, связанные с традиционным крестьянским бытом и имеющие отношение к сновидцу (*хомут, коровий след, масло, кисель, маковники* и др.): *Видел мужичок хомут во сне — не видать ему клячи (лошадки) довеку; Видел во сне коровий след: ин наяву маслом отрыгается (отрыгнется); Во сне видел маковники, так во сне и ешь*. Предметы снореальности метонимически связаны с предметным миром яви (*хомут — кляча; коровий след — масло*).

Наименования предмета снореальности в знакомом для сновидца пространстве может не быть. Пространственный актанта при глаголе «видеть» опускается: *Он и спит и видит*. Мы не можем сказать, что именно субъект «видит». Неназывание актанта — одно из проявлений «чистой предикативности», которая возникает в ситуациях, когда предмет речи известен говорящему, поэтому нет надобности его называть [VYGOTSKIJ 1999, 311–312].

Пространство сна для сновидца может быть неизвестным, **незнакомым**. Незнакомое пространство описывается как впервые увиденное и неузнанное место: *Знаю (чую), где ночую, но не знаю, где сплю*. Синтаксическим маркером неузнанного места выступает конструкция «не знаю, где». *Не знать* в контексте придаточного предложения, вводимого вопросительным словом, «может иметь значения „не понимать“, „не представлять“, „не предполагать“» [APRESJAN 2003, 397–398].

На **близкое и далекое место** в пословицах и поговорках указывают наречия *тут* и *там*. Эти слова выступают без конкретизирующих обстоятельств. Точного наименования места они не дают, поэтому пространственная локализация событий снореальности не является четкой. Намек на смыслы, стоящие за этими словами, содержится в придаточном предложении с *где*: *Где ходим, тут спим; Где стал, там и спал*.

Пространственные значения выражаются с помощью предлогов *в/во* (*видеть во сне*), *сквозь/скрозь* (*слышать/слушать сквозь / как сквозь сон*). Предлог *в/во* в сочетании с предложным падежом указывает на место, пространство,местилище, среду, в пределах или внутри которых что-либо происходит (толковые словари). Предлог *сквозь* (= устар. и обл. *скрозь*) в сочетании с винительным падежом означает «предшествующее или сопутствующее состояние, преодолеваемое действием или другим состоянием» [ZOLOTOVA 2006, 126].

В пословицах и поговорках, описывающих состояние сна, отсутствует темпоральная лексика (*минута, час, день* и др.) и нет параметрических характеристик *долго, быстро* и др. Представления о времени здесь создаются квазитемпоральными средствами, которые выражают **темпоральные смыслы**. Основные из них — **сжатие времени, его ускорение и расширение**.

Изучение временных параметров сна, воплощенных в пословицах и поговорках, подтверждает мысль П. Флоренского: «Сновидение имеет особую, не сравнимую с дневною, меру времени, „трансцендентальную“» [FLORENSKIJ 1993, 5]. «За краткое, по внешнему измерению со стороны, время можно пережить во сне часы, месяцы, даже годы, а при некоторых обстоятельствах — века и тысячелетия. В этом смысле никто не сомневается, что спящий, замыкаясь от внешнего видимого мира и переходя сознанием в другую систему, и меру времени приобретает новую, в силу чего его время, сравнительно со временем покинутой им системы, протекает с неимоверной быстротой» [FLORENSKIJ 1993, 5].

Примером сжатия времени, его «оплотнения», компрессии может быть выражение *Мало спал, да много во сне видел*, которое П. Флоренский назвал «формулой сгущенности сновидческих образов» [FLORENSKIJ 1993, 5]. Слова *много во сне видел* косвенно свидетельствуют о повышенной концентрации событий и чувств во сне, о расширенном времени. Допускается «переворачивание» смысла: *Много спал, да мало во сне видел*. В выражении *За сон не ручись* акцентирована идея непредсказуемости отклонений времени во сне: «не знаешь, долго ли проспишь и что пригрезится, какими событиями время будет наполнено».

Пословицы и поговорки фиксируют различные **речемыслительные отклонения**. Эти отклонения обусловлены особыми состояниями психики во сне, которые исследователи называют измененными состояниями сознания [SPIVAK 1986; RUDNEV 1999a, 107–110; RUDNEV 1999b, 281–284].

Во сне человек «думает не свою думу» или «не в своем уме». Эти признаки сближают состояние сна с состоянием опьянения: *Хмельной да сонный не свою думу думают; Во хмелью да во сне человек сам в себе неволен; Сонный да пьяный — божевольный (не в своем уме)*. Особое ментальное состояние, в которое погружен сновидец, названо словом *дума*. *Дума* — это глубокая всепоглощающая мысль (толковые словари). Думы обычно бывают тягостными, безрадостными: «думы в отличие от мыслей текут медленно, тяжело. Благодаря этому слово *дума*, как правило, предполагает определенное содержание мыслей — обычно это трудная жизнь субъекта или кого-то из его близких, трудные жизненные положения и т. д. При этом субъект не столько пытается понять что-либо, сколько сосредотачивается на одних и тех же привычных ему безрадостных

мыслях, снова и снова возвращается к одним и тем же ситуациям, людям и т. п. Думы исключают какие-либо сознательные усилия субъекта — они текут совершенно независимо от его воли» [URYSON 2003, 553–554].

Человеку в состоянии сна приписываются различные речевые дисфункции, например, «несанкционированное» речепорождение, которое может иметь негативные последствия в яви (*Во сне проговорился, а наяву поплатился*), замедленная, бессвязная речь (*бормотать как во сне*) и т. д. По представлениям, отраженным в пословицах и поговорках, в состоянии сна сознание полностью не выключено, но уже не выполняет своей контролирующей функции.

Сон в обыденном представлении — нечто неясное, нечеткое, ускользающее и тем самым становится **образцом для выражения семантики неопределенности**. В этой функции слова *сон*, *сонный* используются в позиции образа сравнения. В «*Большом словаре русских народных сравнений*» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной мы насчитали свыше 40 подобных сравнений. Некоторые примеры: *как сну своего не знаю* — пск., «не имею абсолютно никакого представления о чем-либо»; *ходить как сон городить* — новг., «о сонном, вялом человеке», «о бродящем без толку человеке»; *править как во сне* — ивановск., «о кучере, который держит поводья на облучке в полудреме»; *ходить (бродить) как во снах* — пск., «о сонно, вяло или мечтательно расхаживающем человеке», *будто в сон заснуть* — карел., «в состоянии забытья»; *жить как сон глядеть* — народн., «о чьей-либо жизни в полузабытьи, отвлечении от реальности» [МОКИЕНКО, НИКИТИНА 2008, 644–645]. Как основание для сравнения используются разнообразные признаки: *помнить (вспоминать/вспомнить) как во сне; припоминать/припомнить как сквозь сон; помнить как во снах* — «нечеткость, неясность, расплывчатость воспоминаний», «легкое беспамятство»; *ровно во сне видеть* — «видимое неясно, расплывчато»; *доноситься как сквозь сон (как сквозь сну)* — «неясно воспринимаемое на слух» и т. д.

Сон в пословицах и поговорках рассматривается в **координатах жизни и смерти**. По словам С. М. Толстой, восприятие сна «как временной смерти и смерти как вечного сна относится к универсальным стереотипам культуры и находит многообразное выражение в языке» [TOLSTAJA 2015, 463]. В корпусе «сонных» пословиц и поговорок много примеров, свидетельствующих об устойчивой связи «сон = смерть». Так, считается, что долго не проживет человек, который много спит: *Кто больше всех спит, тот меньше всех живет; Много спать — мало жить: что проспано, то прожито. Сонный уподобляется мертвецу: Спит как мертвый; Сон смерти брат; Сонный, что мертвый; Уснешь, что умрешь; Уснул — помер; Уснешь, что умрешь; Спит человек — не живой; Так спит, что хоть клади в гроб да хорони*. Прямым знаком смерти может быть

«поведение» человека в состоянии сна, например, глубокое и быстрое дыхание толкуется к смерти: *Если сонный отпыхивает, то умрет.*

Сон бывает *непробудным, мертвецким, вечным*. Выражение *мертвецкий сон* встречается у А. Блока. Оно противопоставляется *сну живому, мгновенному*. На переходах одного значения *сна* к другому, противоположному, строятся некоторые фрагменты поэмы А. Блока «*Ночная фиалка*». Анализ этой поэмы дан в работе Н. А. Кожевниковой «*Словоупотребление в русской поэзии начала XX века*»: «Для поэзии начала века, в первую очередь, для Блока, значимо противопоставление *сон-прозябание*, внутреннее оцепенение, прижизненная смерть, и *сон-истинная жизнь*, которое отражается в разных типах сочетаний. Это противопоставление используется как основа движения некоторых текстов. В поэме Блока «*Ночная фиалка*» разные эпитеты к слову *сон* противопоставляют два различных его употребления. С одной стороны: *И, наверное, друг мой, шатаясь, / Не однажды домой приходил / И ругался, меня проклиная, / И мертвецким сном засыпал*. С другой: *Так заветная прялка прядет / Сон живой и мгновенный, / Что нечаянно Радость придет / И пребудет она совершенной*» [КОЖЕВНИКОВА 1986, 61–62].

Распространена в пословицах и поговорках противоположная связь — «сон = жизнь». Сон лечит, «молодит» и продлевает человеку жизнь: *Сон — лучшее лекарство (Сон лучше всякого лекарства); Сон дороже лекаря; Головная боль сном проходит; Ляг да усни: встань да будь здоров; Выспишься — помолодеешь; Выспался — будто вновь народился; Не дашь старику после обеда соснуть часок — сократишь его срок*. В наделении сна как «смертными», так и «жизненными» чертами проявляется его семантическая амбивалентность, двойственность отношения к нему.

Сон осмысливается через **зоонимические образы**. В пословицах и поговорках упоминаются различные животные и птицы (*лиса, наседка, коршун, соловей, собака* и др.), которые наделяются символическими значениями, закрепленными за ними в народной культуре: *Лиса одним глазом спит, а другим кур считает; Наседка одним глазом спит, а другим коршуна видит; Наседка одним глазом спит, а другим цыплят сторожит; Спать соловьиным (будким) сном; Собака приснилась — к другу*. Лошадь в сновидениях толкуется как предсказание лжи: *Лошади приснились — ложь будет*. Сцепление «снопредмета» (*лошадь*) и связанного с ним события в яви (*ложь*) не имеет прозрачной мотивации. Вполне возможным нам кажется сближение слов на основе их созвучия: **лошадь — ложь**.

В выражении *Спать без задних ног* («очень крепко, беспробудно, обычно в состоянии усталости») есть сравнение со сном животных. Это выражение возникло на основе наблюдений за животными: «После тяжелой работы лошадь

ложится и спит, расслабив задние ноги. Если в это время попытаться поднять ее, она будет вставать на передние ноги, но задние ее не будут слушаться» [BIRICH, MOKIJENKO, STEPANOVA 1998, 404–405].

Характерно уподобление «сон = лень» (сонлив = ленив, сонливый = ленивый): *Кто ленив, тот сонлив; Сонлив, так и ленив; Сонливый да ленивый — родные братья; Сонливого не добудисься, а ленивого не дошлесься; Пришел сон из семи сел, пришла и лень из семи деревень.* «Ленивые» смыслы сна могут выражаться с помощью зоонимического, растительного и пищевого кодов. Лень обычно оценивается негативно: *Спящий пес зайца не поймают; Ранняя пташка червяка клюет, а поздняя и зерна не найдет; Ранняя пташка носок очищает, а поздняя глаза продурает; Кто пораньше встает, тот грибы берет, а сонливый да ленивый идут за крапивой; Солнце на ели, а он еще в постели; Из сна блинов не напечешь; Из сна каши не сварить; Лень мужика не кормит; У ленивого что на дворе, то и на столе* (ничего). Вместе с тем лень воспринимается как состояние, которое нельзя осуждать: *Больше спишь — меньше грешить; Кто спит — не грешит; Кто долго спит, тому Бог простит.* Русские обозначения лени осуждают конкретные ее проявления, но не идею лени [LEVONTINA 2005, 341–344].

Сну противопоставлена бессонница — состояние без сна. Это противопоставление трактуется в категориях чистоты и нечистоты совести. По определению В. И. Даля, *совесть* — это «тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка» [DAL' 1982, т. 4, 256]. *Совесть* — орган этической, нравственной (само)оценки человека, который не дает спать и видеть сны: *Нечистая совесть спать не дает.* Часто встречаются выражения, основанные на внешних проявлениях бессонницы, без использования ее собственного «лексикона»: *У кого совесть нечиста, у того подушка в головах вертится; У меня подушка в головах не вертится* (совесть чиста); *Перинка совести не замена.* Для описания бессонницы используется как предметная лексика (*подушка, перинка* и др.), так и зрительная: *Сна — ни в одном глазу; Хоть глаз коли, а заснуть не может; Целую ночь не может сомкнуть глаз.* Встречаются пословицы и поговорки, призванные объяснить факт бессонницы: *Богатому не спится — воров боится; Богатому сладко естся, да плохо спится; Не живется, так и не спится; Малые дети спать не дают, а с большими и сам не заснешь. Кто много спит весной, у того зимой бессонница бывает.* Когда совесть чиста и не «давят грехи», человек спит *сном праведника, как молодой бог.*

Со *сном* связывается представление о чем-то, что действует внутри человека независимо от его воли и желания: *Сон и богатыря свалит с ног; Спячка напала, всех покатоком поваляла; Сон напал, одолел; И рад не спал бы, да сон одолел.* Сон мыслится как субстанция, обладающая силой, которую нельзя одолеть.

Подведем итоги. Пословицы и поговорки, описывающие состояние сна, отражают изменение параметров пространства и времени. Характерны противопоставления «знакомое место — незнакомое место», «близкий — далекий». Пространственная локализация снареальности не является четкой. Свойства «тамошнего» времени — повышенная концентрация событий и чувств, сжатие времени, его ускорение и расширение.

Во сне меняются ментальные способности человека. Он становится «думным», «думает не свою думу» или «не в своем уме». Его ментальное состояние трактуется как «чужое». В «думных» пословицах и поговорках состояние сна уподобляется состоянию опьянения: *Хмельной да сонный не свою думу думают; Во хмелю да во сне человек сам в себе неволен* и др.

Сон в пословицах и поговорках наделяется взаимоисключающими характеристиками, рассматривается то в координатах смерти, то в координатах жизни. Характерно уподобление «сон = смерть» (*Сонный, что мертвый; Сон смерти брат* и др.). Восприятие сна как смерти «относится к универсальным стереотипам культуры» [TOLSTAJA 2015, 463]. Вместе с тем *сон* определяется и в координатах жизни («сон = жизнь»): *Сон — лучшее лекарство; Сон дороже лекаря; Выспишься — помолодеешь* и др.).

Сон как объект сравнения выступает образцом для выражения семантики неопределенности («неясно воспринимаемое на слух»; «видимое неясно, расплывчато»; «нечеткость, неясность, расплывчатость воспоминаний» и т. д.).

Сон ассоциируется с *ленью* (*Кто ленив, тот сонлив* и др.), а также рассматривается в призме зоонимических образов, которые нагружены важными символическими значениями, закрепленными за ними традицией (*Лиса одним глазом спит, а другим кур считает; Наседка одним глазом спит, а другим коршуна видит*). Характерно противопоставление сна бессоннице. Бессонница в пословицах и поговорках включается в систему ценностей, главными координатами которой являются представления о чистоте и нечистоте совести.

Библиография:

- AGAPKINA, T. A., BELOVA, O. V. (2009): *Primeta*. In: TOLSTOJ, N. I. (red.): Slavjanskije drevnosti. Ètnolingvističeskij slovar'. V 5 t. Moskva. T. 4, s. 279–280.
- APRESJAN, Ju. D. (2003): *Znat', vedat'*. In: APRESJAN, Ju. D. (red.): Novyj ob'jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka. Moskva, s. 396–402.
- BARANOV, A. N., DOBROVOL'SKIJ, D. O. (2013): *Osnovy frazeologii*. Moskva.
- BIRICH, A. K., MOKIJENKO, V. M., STEPANOVA, L. I. (1998): *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-ètimologičeskij spravočnik*. Sankt-Peterburg.

- DAL', V. I. (1981–1982): *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka. V 4 t.* Sankt-Peterburg.
- DAL', V. I. (1997): *Poslovicy i pogovorki russkogo naroda.* Sankt-Peterburg.
- DANILOVA, I. Je. (red.). (1993): *Son — semiotičeskoje okno. Snovidenije i iskusstvo. Snovidenije i tekst.* Moskva.
- FLORENSKIJ, P. (1993): *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu.* Sankt-Peterburg.
- GURA, A. V. (2012): *Son.* In: TOLSTOJ, N. I. (red.) (1995–2012): *Slavjanskije drevnosti. Ètnolingvističeskij slovar'. V 5 t.* Moskva. T. 5, s. 119–121.
- GURA, A. V. (2018a): *Reglamentacija povedenija čeloveka v svjazi so snovidenijami.* In: TOLSTAJA, S. M. (red.): *Obraz čeloveka v kul'ture.* Moskva, s. 79–93.
- GURA, A. V. (2018b): *Slavjanskije sonniki: istočniki i paralleli.* In: MOLDOVAN, A. M. (red.): *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavjanskich narodov. Istorija slavistiki.* Moskva, s. 325–328.
- KOŽEVNIKOVA, N. A. (1986): *Slovoupotreblenije v russkoj poèzii načala XX veka.* Moskva.
- LEVONTINA, I. B. (2005): *Homo piger.* In: ZALIZNJAK, A. A., LEVONTINA, I. B., ŠMELEV, A. D. (2005): *Ključevyje idej russkoj jazykovoje kartiny mira.* Moskva, s. 336–345.
- LOTMAN, Ju. M. (1992): *Son kak semiotičeskoje okno.* In: LOTMAN, Ju. M. (1992): *Kul'tura i vzryv.* Moskva, s. 219–226.
- MOKIJENKO, V. M., NIKITINA T. G. (2008): *Bol'šoj slovar' russkich narodnych sravnenij.* Moskva.
- NEBŽEGOVSKAJA-BARTMIN'SKAJA, S. (2011): *Konstitutivnyje cennosti pol'skogo narodnogo sonnika.* In: SEDAKOVA, I. A. (red.): *Èvoljucija cennostej v jazykach i kul'turach.* Moskva, s. 81–92.
- RUDNEV, V. P. (1999a): *Izmenennye sostojanija soznanija.* In: RUDNEV, V. P. (1999a): *Slovar' kul'tury XX veka. Ključevyje ponjatija i teksty.* Moskva, s. 107–110.
- RUDNEV, V. P. (1999b): *Snovidenije.* In: RUDNEV, V. P. (1999b): *Slovar' kul'tury XX veka. Ključevyje ponjatija i teksty.* Moskva, s. 281–284.
- SPIVAK, D. L. (1986): *Lingvistika izmenennyh sostojanij soznanija.* Leningrad.
- TELIJA, V. N. (1999): *Ot redaktora.* In: TELIJA, V. N. (red.): *Frazeologija v kontekste kul'tury.* Moskva, s. 8–10.
- TOLSTAJA, S. M. (2015): *Inomirnoje prostranstvo sna.* In: TOLSTAJA, S. M. (2015): *Obraz mira v tekste i rituale.* Moskva, s. 463–473.
- TOLSTOJ, N. I. (2003): *Narodnyje tolkovanija snov i ich mifologičeskaja osnova.* In: TOLSTOJ, N. I. (2003): *Očerki slavjanskogo jazyčestva.* Moskva, s. 303–310.
- URYSON, Je. V. (2003): *Mysl', ideja.* In: APRESJAN, Ju. D. (red.): *Novyj ob"jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka.* Moskva, s. 551–556.
- VYGOTSKIJ, L. S. (1999): *Myšlenie i reč'.* Moskva.

ZIMIN, V. I. (2010): *Slovar'-tezaurus russkich poslovic, pogovorok i metkich vyraženij*. Moskva.

ZOLOTOVA, G. A. (2006): *Sintaksičeskij slovar'. Repertuar èlementarnych jedinic ruskogo sintaksisa*. Moskva.

Summary

The Interpretation of Sleep in Russian Proverbs and Sayings

The article examines Russian proverbs and sayings that describe the state of sleep. These reflect the traditional folk understandings of what happens to a person in this state and how he/she perceives the world. “Sleep” proverbs and sayings produce direct and indirect evidence of time shrinking and expanding in sleep. The space of sleep reality is perceived as an unknown place to which one can return in order to “make corrections”. When asleep, one becomes “pensive”, “thinks others’ thoughts” or “loses one’s mind”. A person’s mental state is treated as “alien”, causing an “unsanctioned” speech generation. Sleep in proverbs and sayings is endowed with mutually exclusive features, viewed in the realms of either death or life.

About the author

Gigla Dzhyndzholiia, University of West Bohemia, Faculty of Education, Department of Russian and French Language, Pilsen, Czech Republic, giglad.17@gmail.com

Русистика и война с Россией: синдром Карре

Владимир Звоняцковский

(Мариуполь, Украина; Брно, Чешская Республика)

«Всё понять — значит всё простить? Не уверен. Существует ещё то, что я называю «познавательной брезгливостью», [...] — состояние, при котором человеку достаточно прозреть предмет, чтобы ощутить смертельное отвращение к нему (а отнюдь не примирённость).»

Томас Манн, «Тонио Крёгер» (перевод Н. Манн)

Предисловие, или Кто такой Карре?

Французский писатель и литературовед Жан-Мари Карре (1887–1958) родился в Арденнском департаменте и на протяжении всей жизни хранил с ним духовную связь [CARRÉ s. a.].

Арденны — романо-германский перешеек, один из многих европейских культурных перекрёстков. Естественный интерес к немецкому языку и культуре обусловил ранний выбор профессии, оказавшейся востребованной. Переводчик генштаба во время 1-й и участник Сопrotивления во время 2-й мировых войн, проф. Карре, разумеется, отдавал себе отчёт в том, что, как ныне учат в европейских школах, между гуманизмом немецкой культуры и немецким милитаризмом/нацизмом существует «огромная и непостижимая» разница. Но, постигая свой предмет в истории, в теории и на практике, Карре пришёл к выводу, что разница эта не так уж огромна и не так уж непостижима. Своими наблюдениями он поделился в книге «Французские писатели и немецкий мираж. 1800–1940» [CARRÉ 1947], которая во Франции и за её пределами произвела эффект последней разорвавшейся бомбы 2-й мировой войны.

Согласно выкладкам Карре, с самого начала XIX в., и особенно с выходом в свет 2-го (1813) издания книги «О Германии» (*De l'Allemagne*) Ж. де Сталь (1-е сожжено в 1810 г. по приказу Наполеона), гуманизм немецкой культуры

стал «миражом» французской литературы, заменившим реальность читающей публике — а это во 2-й половине XIX и в 1-й половине XX вв. едва ли не большинство французов: «Мы всегда живём первым впечатлением» [CARRÉ 1947, XI]. И, не умея расстаться с этим впечатлением о «Германии Гёте и Бетховена» даже во франко-прусскую войну («Седан тут помог не более, чем Ватерлоо»), французские интеллектуалы совершают нечто «столь же опасное»: они решают, что существует не одна, а «две Германии» [CARRÉ 1947, XII].

Между тем, как убедительно на многих фактах показал Карре, Германия была достаточно едина в своей «германской идее», т. е. в главном векторе своего развития от начала XIX и до середины XX в., хотя во всём остальном быстро менялась. Страна, которую видела мадам де Сталь в 1802 г., когда общалась там с Гёте, Шиллером и Фихте, не оставалась той же самой ни в 1807–1808 гг., когда она в Швейцарии писала свою книгу, ни тем более в 1813 г., когда с этой книгой познакомилась французская публика, усвоив себе, на фоне национального унижения (падения недолговечной империи Наполеона), то впечатление о соседней стране, которым французы жили потом без малого полтора века. Жили несмотря даже на то, что уже и в 1813 г. мадам де Сталь рассказала им о несуществующем как о существующем — сказку, принятую за вечную и неизменную правду.

Другой пример. Вагнерианско-ницшеанский дискурс 1880–1890-х, казалось бы, явился столь откровенной спекуляцией на прусских военных победах и столь явной заявкой на расширение «территории побед» в будущем (допустим даже, что «чисто духовных»), что французским интеллектуалам надо было обладать очень сильно развитым комплексом жертвы, дабы испытывать восхищение зигфридами и заратустрами. Но они его испытывали и тогда, и даже после 1-й мировой, полагая, что, помогая «униженной Германии» сохранить лицо и встать с колен, они делают это во имя неких общеевропейских ценностей.

Понадобилась 2-я мировая, дабы механизм европейской культуры заработал в обратном направлении. Неполноту Европы без Германии европейцы стали теперь артикулировать не в виде уговаривания самих себя «понять Германию», а в виде категорического требования к нации, оболваненной Гитлером и Геббельсом, снова стать европейской. Это требование было сформулировано на основании синдрома острого, осознанного неприятия не только чужденанавистнической идеологии 3-го рейха, но и всей той этико-эстетической системы (включая элемент литературно-художественный), в рамках которой эта идеология возникла и процвела. Назовём этот синдром, по имени первого его внятного выразителя, *синдромом Карре*.

Две новые и важные задачи русистики после 24/2/2022

Испытывая, как многие мои коллеги-русисты (в том числе и те, кому до сих пор по тем или иным причинам приходится жить в России), синдром неприятия целой культурной системы — синдром Карре, я тем не менее вижу смысл в том, чтобы продолжать заниматься научной русистикой. Но, развивая старые темы после 24/2/2022, когда нужно быть Эдипом, выколовшим себе глаза, чтобы не видеть, ЧТО именно нам принёс «народ-богоносец», мы можем воспользоваться опытом наших — в широком смысле — предшественников в изучении литературы. В частности, опытом Карре мы можем воспользоваться для решения как минимум двух задач:

1. «Русский мираж», дискурс «народа-богоносца» и «святой русской литературы», выделить и отделить как один из элементов собственно истории русской литературы, её понимания себя в мире и понимания миром её самой, и осветить пройденный путь от момента, когда «мираж» явно и громко заявил о своём существовании, до момента его зарождения.
2. «Неполноту» Европы без России восполнить не в качестве попытки понять то, что заведомо выстроено как *умом непонятное и аршином общим неизмеримое*, а в качестве дискурса *бессмысленного и беспощадного* и диалога именно о смысле «по уму», в котором — сделаем осторожное, чисто теоретическое допущение — может быть выявлен потенциал, дающий русским надежду, которой ныне большинство их не может или не хочет знать, — надежду стать современной европейской нацией.

Чем хорошо быть русским?

Русская культура Золотого XIX в., как известно, биполярна. Есть в ней и две полярно противоположные «модели» писателя.

Первая «модель» — И. С. Тургенев. По происхождению совершенно русский: помещик, знавший русскую деревню, которую он прекрасно и точно изобразил. Предпочитал жить в Европе, ощущать себя европейским романистом, решающим общеевропейские эстетические задачи, ежемесячно обедать в обществе Флобера, Золя, Доде и Гонкура («обеда пяти»).

Вторая «модель» — Н. В. Гоголь. По происхождению не русский, выросший среди украинских «старосветских помещиков», которых он прекрасно и точно изобразил. Россию, кроме Москвы и Петербурга, видел «из окна почтовой кареты». Он тоже предпочитал жить в Европе, однако, старательно посещая города и веси, искал таких же «русских путешественников», а местных жителей как правило избегал. Остановясь в очередном европейском городе, он по целым дням не выходил из отеля — писал очередное «Выбранное письмо из переписки

с друзьями», чтобы потом объединить все эти письма в книгу, которая, по его мнению, должна была указать русскому обществу «исходы, средства и пути».

Именно украинец Гоголь (по сложившейся традиции, о которой скажу дальше) и должен был растолковать русской литературе её «идею». Современники, за некоторыми исключениями, «идею» автора не поняли. Но важно, что среди этих исключений был никто иной, как П. А. Плетнёв. Некогда правая рука Пушкина, его изобретательный литературный агент, а также крёстный отец Пасичника Рудого Панька [ZVINJACKOVSKIJ 1990], он теперь на **все** литературные игры своей молодости смотрит как на «ученический опыт». Зато *«Выбранные места из переписки с друзьями»*, по его мнению, «есть начало собственно русской литературы. [...] Ты первый со дна почерпнул мысли и бесстрашно вынес их на свет» [*Переписка...* 1988, 271–272]. И если «со дна» значит «из начала начал», «от седой древности» и т. п., то вот наглядный тому пример: поддержку «русской идее» Гоголь ищет... у автора *«Одиссеи»*. Ибо, по мысли Гоголя, перевод Жуковского, как раз готовящийся к изданию, — очень своевременная книга: «на страждущих и болеющих от своего европейского совершенства Одиссея подействует»; после чтения Гомера обратят они свои взоры на русских мужиков, и тогда «многое из времён патриархальных, с которыми есть такое сродство в русской природе, разнесётся невидимо по лицу русской земли [курсив мой — В. З.]» [GOGOL' 1952, 244].

Но кто сказал, что есть «сродство»? Оказывается, это сказал маркиз де Кюстин [CUSTINE 1843], на которого Гоголь ссылается в другом выбранном месте из переписки: «беловласые старцы, сидящие у порогов изб своих» маркизу казались «величавыми патриархами древних библейских времён. Не один раз сознался он, что нигде в других землях Европы, где ни путешествовал он, не представлялся ему образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому» [GOGOL' 1952, 405]. Так был изготовлен — с явным использованием описанного Карре трафарета мадам де Сталь — очередной мираж французской литературы. Только на сей раз он был положен в основание не германской идеи, а русской.

Но как же именно «разнесётся» по России «многое из времён патриархальных»? Анализируя цитированное «письмо» в контексте *«Выбранных мест»* и неопубликованных набросков к ним, Ю. В. Манн приходил к неожиданному выводу: «Разнесётся — при помощи самодержца, при его содействии» [MANN 2012, 39].

Оценим грандиозный масштаб русской идеи в гоголевском исполнении: чем быть большим современным европейцем, лучше быть здоровым патриархальным русским и начать 3-тысячелетнюю историю Европы с чистого листа, ведь

после Гомера она пошла не туда. А совершить столь решительный разворот доверено русскому самодержцу.

Достоевский, несомненно тяготевший к гоголевскому полюсу, не отставал от своей «модели» не только в упованиях, но и в активной деятельности подобного рода. В своём письме к тогда ещё будущему царю Александру III он доносил до наследника престола всё ту же мысль о «вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития, — замечал писатель, — давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими» [Aleksandr... s. a.].

Не упустим нюанс: в юности смеясь над *«Выбранными местами»* вместе с Белинским и даже угодив на каторгу именно за чтение его запрещённого *«Письма к Гоголю»*, Достоевский благоразумно умолчал о «гомеровских» мужичках, над которыми несомненно посмеялось бы и новое поколение (включая царевича). Посему из письма неясно, чем хорошо быть русскими. Ясно лишь, что существует (или должна существовать — что для автора письма одно и то же) некая русская идея и что нести эту идею в мир есть предназначение русских.

Художественное доказательство целительной силы русской идеи авторам бренда не далось, в чём тот же Гоголь честно сознавался в *«Авторской исповеди»*, так объясняя издание своей «переписки»: «Из боязни, что мне не удастся окончить того сочинения, которым занята была постоянно мысль моя в течение десяти лет, я имел неосторожность заявить вперёд кое о чём из того, что должно было мне доказать в лице выведенных героев повествовательного сочинения [курсив мой — В. З.]» [GOGOL' 1952, 434]. Годы спустя вместо Гоголя эту художественную задачу взялся исполнить Достоевский, пытаясь едва ли не в каждом своём романе с помощью благотворного влияния «русской идеи» исцелить «страждущих и болеющих от своего европейского совершенства».

Яркий представитель «псевдоевропейского развития» — Версилов в романе *«Подросток»*. «Это — дворянин древнейшего рода и в то же время парижский коммунарь, — говорит о нём герой-резонёр. — Он истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает её вполне. Он без всякой религии, но готов почти умереть за что-то неопределённое, чего и назвать не умеет, но во что страстно верует, по примеру множества русских европейских цивилизаторов [...]» [DOSTOJEVSKIJ 1957, 624].

Художественный эксперимент Достоевского состоял в том, чтобы дать «цивилизатору» полную свободу (а Версилов как-то совсем невинно свободен от моральных и материальных обязательств, даже когда обе его семьи голодают),

но при этом дать ему в вечные спутники его бывшего крепостного Макара Долгорукого. «Этот Макар, — говорит Версилов, — чрезвычайно осанист собою и [...] чрезвычайно красив. Правда, стар, но «смуглолиц, высок и прям» [DOSTOJEVSKIJ 1957, 29]. И хотя цитатой из «Власа» Н. А. Некрасова Версилов пытается низвести образ Макара к стандартам модного народолюбия, параллельное портретирование его основным (наивным) повествователем заставляет вспомнить всё тех же «библейско-гомеровских» мужичков, портретированных Кюстином и досочинённых Гоголем: «Росту он был большого, широкоплеч, очень бодрого вида»; у него продолговатое лицо, «ужасно» белая борода, голубые, лучистые большие глаза... [DOSTOJEVSKIJ 1957, 49]. Вечно каламбуя по поводу ненавистного ему Тургенева, Достоевский верен себе и в «*Подростке*»: да, «отцы и дети», но ведь отцов у Аркадия Долгорукого двое, и, при отсутствии ярко выраженного внешнего конфликта, между ними разворачивается внутренний, ценностный конфликт.

Дать свободу крепостным — мечта «цивилизаторов» в 1850-е, и как раз тогда Версилов незаконно родил Аркадия с законной женой Макара и за это решил дать вольную её законному мужу. Получив свободу, Макар странствует по святым местам, неизменно возвращаясь к венчанной с ним жене; к ней же приходит умирать. Версилову, *volens-nolens*, приходится жить под одной крышей с «простым русским человеком» — «по примеру множества русских европейских цивилизаторов», скажем — Пьера Безухова. Тот тоже *volens-nolens* оказался под одной крышей с человеком подобным Макару — с Платоном Каратаевым. И вот благодатный материал для сравнения и выяснения, чем же хорошо быть русским.

На момент встречи с Платоном в душе Пьера «как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой всё держалось и представлялось живым» [TOLSTOJ 1984, 47–48]. Угостив Пьера картошкой и рассказав ему историю о том, как попал в солдаты, Платон помолился и уснул, оставив у Пьера впечатление чего-то «**русского, доброго и круглого**». «Прислушиваясь к мерному храпению Платона», Пьер «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе» [TOLSTOJ 1984, 50].

В то, что так бывает, не верили современники автора, полагая, что он утратил «реальное чутьё и представил своего героя способным возродиться и переродиться вследствие одного лишь изменения строя мыслей в голове» [SKABIČEVSKIJ 1897, 162]. Но всё же он пытался. И если Пьера в Платоне всё привлекает, вплоть до храпа и запаха пота, то Версилова в Макаре всё раздражает, даже (и особенно) после того, как тот, прожив жизнь праведника, смертью праведника умирает.

На словах столь приверженный русской идее, Достоевский как художник не смог явить образчик благотворного её влияния: если не идеологического, так хоть интуитивного, «русского, доброго и круглого». Он всегда лишь обещает читателю (обычно в финале) историю «обновления» героя, «перерождения» его, «перехода из одного мира в другой»: все три обещания с одним и тем же эпитетом «*постепенного*» (а не внезапного, как в случае Пьера) есть в «*Преступлении и наказании*». То же в «*Подростке*»: Аркадий, за душу которого на протяжении всего романа вели подспудную борьбу его отцы, в итоге отделяется фразой: «Старая жизнь отошла совсем, а новая едва начинается» [DOSTOJEVSKIJ 1957, 619].

На этих примерах хорошо видно, что Достоевский ни в какое «обновление европейского цивилизатора», ни резкое, ни постепенное, не верит. Многие объясняет монолог Версилова, прочитавшего только что изданную «*Войну и мир*» (этот монолог не вошёл в окончательный текст «*Подростка*»):

— Он [Толстой — В. З.] психолог дворянской души. Но главное в том, что дано как неоспоримое [...] Есть дети, [...] уж с детства начинающие понимать беспорядочность и случайность основ всей их жизни, отсутствие установившихся форм и родового предания. Эти должны завидовать моему писателю [т. е. Толстому. — В. З.], завидовать его героям и пожалуй не любить их.

А вот и причина нелюбви:

— В высших типах своих историк [т. е. опять же Толстой. — В. З.] выставляет с тонкостью и остроумием именно *перевоплощение европейских идей в лицах русского дворянства* [курсив мой — В. З.]: тут и масоны, тут и перевоплощение пушкинского Сильвио, взятого из Байрона, тут и зачатки декабристов. [DOSTOJEVSKIJ 1957, 642–643].

Тут нет только русской идеи. Весь духовный опыт Толстого, вся его понятная логика свидетельствуют о том, что этот писатель, воспитанный на семейных преданиях русской аристократии и будучи действительно «психологом дворянской души», признаёт губительность для этой души двух присущих ей качеств — высокомерия и самомнения. Достоевскому же, судя по его *слишком* откровенному (и потому неизданному) монологу, в этом случае остаётся лишь завидовать.

У него иной background: «самый петербургский писатель» происходил сразу из двух противоположных Петербургу стихий: по матери из московской купеческой среды, а по отцу из семьи украинского священника. Отец писателя должен был заново добиваться звания потомственного дворянина, хоть на самом деле мог бы гордиться родовитостью даже среди московских боярских родов. Ведь род Достоевских пополнил литовскую шляхту в 1506 г., когда предок

писателя Данило Иртыщевич получил от пинского князя грамоту на владенье белорусским селом Достоевом. А Пётр Достоевский, его потомок, в 1598 г. был избран в сейм и занимал должности маршала Пинского уезда и члена Главного трибунала Великого княжества Литовского. Но Брестской унии Достоевские не приняли и были вытеснены из полонизированной литовско-белорусской шляхты в духовное сословие. (То же самое, по версии А. Д. Гоголя-Яновского, деда Н. В. Гоголя, произошло в то же самое время с родом Гоголей.) Далее мы уже видим Достоевских в Украине: в XVII в. иеромонахом Киево-Печерской лавры был некто Акиндий Достоевский, и он же был автором не дошедшей до потомков буколической поэмы.

Имперская нация и «киевский дух»

«[...]«Киевский дух был одним из слагающих и роковым фактором в русской духовной среде», — писал Г. В. Флоровский в 1927 г. [MARČENKO 2012, 129] и позднее уточнял свою мысль, говоря о киевском «богословском барокко» в *«Путиях русского богословия»*: «[...] ведь барокко в целом есть именно упадочническая и нетворческая эпоха. [...] От этого украинского барокко идёт [...] эмоциональная нетрезвость, мечтательная возбудимость, какая-то своеобразная религиозная романтика» [FLOROVSKIJ 1937, 52, 56]. Именно эта философско-богословская школа была призвана в XVII в. сформулировать идею русской нации, и дело не только в «религиозной романтике».

Вспомним: ведь это исторический момент формирования наций. Средневековая **религиозная** идентичность, повлекшая за собой религиозные войны, постепенно, посреди тех безысходных войн, сменяется **национальной** идентичностью. Кардинал Ришелье заявляет: ему (католическому кардиналу!) неважно, кто католик и кто гугенот, а важно, кто француз. Гетман Сагайдачный записывает Войско Запорожское в Киевское духовное братство. Отцы-пилигримы заключают «Мэйфлауэрский договор», формулируя цели новой (хоть изначально религиозной) общины переселенцев в Новую Англию. В этом контексте даже Брестская уния 1596 г. могла бы сойти за Нантский эдикт для бедных, если бы не сопровождалась имперской военной экспансией Речи Посполитой.

Именно представители украинского и белорусского православного духовенства, не находившие себе места в Речи Посполитой в условиях агрессивной реализации Брестской унии, убедили московского царя «исполнить миссию» и «принять братьев». Таким образом, миф об особой миссии России — уберечь от «тлетворного западного влияния» как можно больше людей и территорий — отнюдь не от Гоголя и Достоевского берёт своё начало.

Среди барочных писателей инициатором, однако не единственным автором мифа о «трёх братских народах», которые должны «воссоединиться», был Симеон Полоцкий, придворный поэт и учитель детей царя Алексея Михайловича. Официальное утверждение сей миф получил в дни церковного собора 1666 г. Один из активных участников собора черниговский епископ Лазарь Баранович — учитель Симеона в бытность его в Киевской академии — аккурат к 1666 г. изготовил в типографии Киево-Печерской лавры «Меч духовный». Вот как описывает его современный книговед: «Гравированный заглавный лист сложной композиции; на обороте стихи, посвящённые царю Алексею Михайловичу; затем, на следующем листе, гравюра, также очень сложной композиции, с портретами, между прочим, царствующей семьи [...] на ветвях дерева, растущего на лежащем под ним князе Владимире» [BARANOVICĀ 1666]. Словом, духовность сего «Меча» следовало бы взять под сомнение, барочность же его сомнению не подлежит. Особое внимание обратим на то, что «дерево» Романовых растёт **прямо из киевского князя X века**. Тут стоит вспомнить, что

А Романовы династия молодая и в описываемый момент представлена всего лишь вторым поколением.

Б Отец царя Алексея — Михаил Романов — был назначен царём в 16-летнем возрасте, в силу политической целесообразности, а не личных заслуг или высокого происхождения. С киевским князем X в. он ни в каком родстве не состоял.

Таким образом, перед нами классический пример мистифицированной, искусственной, имперской нации, создаваемой чисто идеологическими средствами. В этом своём имперском виде русская нация возникла отнюдь не по воле «низов», т. е. тех самых «народов». Она была навязана «верхами» в XVII в., почти полностью потраченном на борьбу с имперской экспансией Речи Посполитой. При этом лишь в начале века речь шла о нормальном формировании нации в так наз. Смуту, когда и был получен решительный ответ нижегородских и всех примкнувших к ним «низов» на вопрос о её, русской нации, существовании, поставленный захватившими Москву поляками. А затем укрепившееся Московское царство, побеждая, по известной схеме, имперского дракона, само быстро драконизируется. Был, конечно, шанс по этой схеме не пойти, но царь Алексей, под влиянием своего «духовного» окружения, вообразил себя средневековым собирателем земель вроде Ивана Калиты.

А ведь можно было укреплять страну в её определившихся (после изгнания из Московского царства поляков и их союзников украинцев во главе с гетманом Сагайдачным) естественных границах, утверждая национальную идентичность «простых русских людей». Не тех, что были выдуманы Толстым, Достоевским,

Гоголем и маркизом де Кюстином. А тех, которые, вроде нижегородского купца Кузьмы Минина, в решающий момент пытались «снизу» создать русскую нацию. Будет ли дан таковым ещё один (и уж точно последний) шанс построить нацию на руинах теперь уже «их собственной» империи — нам покажет век XXI.

Библиография:

- Aleksandr III.* (s. a.) In: Dostojevskij: Antologija žizni i tvorčestva. <https://fedor-dostoevsky.ru/around/Aleksandr_III>. [online]. [cit. 16.10.2021].
- BARANOVIČ, L. (1666): *Meč duchovnyj*. Kijev. <<http://www.raruss.ru/slavonic/slav3/1627-lazar-baranovich-mech.html>>. [online]. [cit. 16.10.2021].
- CARRÉ J.–M. (s. a.): *Les Ardennes et leurs écrivains, Michelet et Taine, Verlaine et Rimbaud*. Charleville.
- CARRÉ J.–M. (1947): *Les Écrivains français et le mirage allemand. 1800–1940*. Paris.
- CUSTIN marquis de (1843): *La Russie en 1839*. Paris.
- DOSTOJEVSKIJ, F. M. (1957): *Sobranije sočinenij v 10 t. T. 8*. Leningrad.
- GOGOL', N. V. (1952): *Polnoje sobranije sočinenij i pisem v 14 t. T. 8*. Moskva.
- MANN, Ju. V. (2012): *Gogol'. Zaveršenije puti: 1845–1952*. Moskva.
- MARČENKO, O. V. (2012): *Pervyj russkij filosof i puti russkogo bogoslovija*. Litteraria humanitas XVI, 2012, s. 127–134.
- Perepiska N. V. Gogolja* (1988): Moskva.
- SKABIČEVSKIJ, A. M. (1897): *Istorija novejšej russkoj literatury 1842–1892*. Sankt-Peterburg.
- TOLSTOJ, L. N. (1984): *Sobranije sočinenij v 12 t. T. 6*. Moskva.
- ZVINJACKOVSKIJ, V. Ja. (1990): *Pasičnik Rudyj Pan'ko*. Russkaja reč', 1990, № 1, s. 133–139. Moskva.

Summary

The Russian Studies and the War against Russia: Carré Syndrome

Les Écrivains français et le mirage allemand. 1800–1940 (1947) by Jean-Marie Carré was not just an emotional reaction of the French Germanist and Comparativist to the World War II, but a critical study of “the German Idea” in the context of 19th cent. cultural heritage beginning from *De l'Allemagne* (1810–1813) by m-me de Staël. The proposed article addresses “the Russian Idea” on the basis of Carré’s methodology. While Dostoyevsky’s links to “the Russian Idea” are generally acknowledged in cultural

historiography, detailed studies remain scarce. Especially enigmatic is the importance of being Russian in Dostoyevsky's interpretation. In this respect Gogol's *Selected Passages from Correspondence with friends* (1847) worth a closer look as a possible source and marquis de Custin's *La Russie en 1839* (1843) as a real origine of le mirage russe.

About the author

Vladimir Zvinyatskovsky, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic; Mariupol State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Applied Philology, Kyiv, Ukraine, 248157@mail.muni.cz

<https://doi.org/10.5817/NR2022-2-6>

«Подлинная история Анны Карениной» Басинского: рекомендация для уютного чтения

БАСИНСКИЙ, П. В.: «Подлинная история Анны Карениной». Москва: Издательство АСТ, 2022. 379 с. ISBN 978-5-17-136239-3.

Если вы хотите отправиться в книжное путешествие с хорошим проводником, то «Подлинная история Анны Карениной» (2022) Павла Басинского — это замечательный выбор для чтения. Господин Басинский является известным литературоведом, журналистом, критиком, преподавателем. Особую славу ему принесли документальные книги, посвященные величайшему русскому писателю Льву Толстому: «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010), «Святой против Льва» (2013), «Лев в тени Льва» (2015). Новая книга о творчестве Толстого вышла весной 2022 года и уже успела стать лауреатом премии «Большая книга». Советуем любителям классики, филологам, читателям, которые знакомы с «Анной Карениной» и хотят вновь распробовать и глубже понять роман, познакомиться с филологической новинкой.

Если сравнивать «Подлинную историю» с предыдущими книгами Басинского о Толстом, можно заметить нарочитую пристрастность. Автор постоянно подчеркивает, что в этой книге он не литературовед, а просто читатель. Да, он писал научные книги о Толстом. Да, он специалист. Однако сейчас он будет дерзко интерпретировать, додумывать, провоцировать: «Это ни в коем случае не литературоведение. И это книга — повторюсь — не писателя, а читателя» [BASINSKI] 2022, 12]. Тем не менее провокации ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы книга имела свою изюминку, но не теряла точности и легкости. В тексте присутствуют яркое название («Подлинная история...»), аттрактивные подзаголовки («Дьявол носит Prada»), современные трактовки («Каренин — типичный self-made man»). Но качество книги, ее «научность» остаются на высоте. Все цитаты аккуратно взяты в кавычки, внутренняя логика безупречна, аргументы последовательны. Басинский осознает, что не существует настоящей, единственной трактовки настолько сложного романа. При этом он предлагает нам следовать за ним, следить за ходом интерпретаций, заполнением пустот. Книгу называют филологическим детективом: автор действительно «расследует» эпизоды жизни Анны Карениной, выявляет причины и следствия событий. Но от книги не нужно ждать гениальных открытий и однозначных ответов на вопросы: в этом «расследовании» важны сам процесс и наслаждение им.

Анна: ее рождение, жизнь, любовь и смерть

Интерес для исследования филологов чаще всего представляет текст произведения как единое целое. Павел Басинский, безусловно, уделяет внимание тому, «как сделан» роман, его творческой уникальности. Например, исследователь много говорит о том, что мы не видим Толстого в тексте, но при этом все работает на одну главную авторскую мысль — в этом и загадка романа. Толстой использует необычные приемы: писатель начинает не с описания салона, а с достаточно интимных эпизодов частной жизни. Также Басинский отмечает хаотичность романа, когда многие второстепенные персонажи появляются и бесследно исчезают, время то невыносимо медленно, то настолько концентрировано, что кружится голова. Писатель подчеркивает уникальную отличительную черту романа — зеркальность: «Роман Толстого построен на системе направленных друг на друга зеркал. И одновременно все пары зеркал, против законов физики, тоже направлены друг на друга. Они все отражают то, что отражают другие пары» [BASINSKIJ 2022, 104]. «Анна Каренина» не рассматривается Басинским изолированно, он прослеживает связь романа с творчеством Пушкина, а также проводит параллели с другими значимыми романами мировой литературы («Мадам Бовари», «Нана»).

Однако на первом месте стоят герои Толстого, прежде всего сама Анна, а не художественный текст. Об этом говорит название книги, где Анна Каренина — это именно имя героини, а не роман (отсутствуют кавычки). Анна загадочна, привлекательна, опасна, она не готова мириться с ролью любовницы и светским лицемерием и искренне хочет перемен: «Анна потому и является героиней великого романа, а не “романчика”, что она своей изменой восстает против судьбы» [BASINSKIJ 2022, 199]. Анна — это центр повествования, фигура, которая дает действию движение. Как рождалась эта героиня, почему получилась именно такой? Какое отношение Анна имеет к дочери Пушкина и сестре Толстого? Как развивались отношения Льва Николаевича и его героини? На все эти вопросы читатель получит ответы.

Движущей силой романа является любовь Анны и Вронского. Но как зародилось это чувство? Басинский словно подсвечивает важные детали, которые помогают глубже понять внутренние связи романа. Судьбоносная роль поезда (ведь именно там вспыхнул интерес между героями, которые уже были знакомы ранее), «благородная» помощь вдове погибшего под поездом, целью которой было добиться внимания Анны, соперничество Вронского и Каренина на вокзале... Автор предлагает внимательному читателю множество интересных интерпретаций.

Даже человек, который никогда не читал «Анну Каренину», знает, как погибнет главная героиня. Гибель Анны — это факт культуры, таким образом, для читателя нет интриги, чем закончится роман. Но со смертью Анны не все так просто.

Это было самоубийство, но почему Анна погибла под поездом, хотя героини того времени выбирали иной способ — утопление («бедная» Лиза, Катерина Кабанова и другие)? Басинский прослеживает возникновение этой идеи у автора романа, а также рассматривает роль образа поезда не только в «Анне Каренине», но и в других произведениях Толстого.

Это было самоубийство, но кто еще виновен в ее смерти? Павел Басинский проводит расследование и называет виновных. И это не Вронский: «Вронский не виноват в том, что Анна покончила с собой, как не виноват в той случайной ошибке, которую допустил во время скачек, сломав хребет Фру-Фру» [BASINSKI 2022, 152]. Это не Каренин. Писатель полагает, что в романе доминирует женское начало и в смерти Анны виновата не только она сама, но и три другие женщины: «Три женщины были виновны в самоубийстве Анны: кузина Вронского Бетси Тверская, религиозная подруга Каренина Лидия Ивановна и мать Вронского» [BASINSKI 2022, 231]. Неожиданно? Безусловно!

Чтение для книжных гурманов

Чем еще интересна книга Павла Басинского? Разбором культурного и исторического контекста, просто необходимым современному читателю. К примеру, сегодня для нас не очевидно, почему Вронский приглашает Анну танцевать именно мазурку, а между тем порядок танцев в XIX веке был строго регламентирован. Человек того времени, принадлежащий к высшему обществу, знал значение каждого танца, это был особый язык светского общения. Другой необычайно важной тонкостью являются условия развода: общеизвестным является то, что развестись было крайне сложно, однако глубина поступков героев открывается нам только после пристального взгляда на нюансы. Знали ли вы, к примеру, что если развод происходил по причине измены, то изменившая сторона больше не имела право сочетаться браком, воспитывать детей? Эти и многие другие детали и рассматривает господин Басинский.

Особое удовольствие доставляют точные характеристики и разбор персонажей: легкого, не самого высокоморального, но счастливого Стивы; умного, рефлексирующего, но при этом несчастливого Левина; Каренина, «маленького человека», способного любить, который оказывается глубже и добрее, чем кажется на первый взгляд.

Вишенкой на торте являются цитаты о романе «*Анна Каренина*» великих людей, живших в разные эпохи. Кажется, что автор не зря разместил их в конце книги: это лучше, чем любые выводы. Роман «*Анна Каренина*» остается актуальным и интересным. Часть смыслов для читателя утрачивается, часть — приобретает, тем и хорош этот роман. Поэтому самое время перечитать его, а потом обратиться к книге Басинского, чтобы восхититься красотой его трактовок или, может быть, поспорить с ним.

Таким образом, если вы хотите узнать о романе что-то радикально новое — эта книга не для вас. Но «*Подлинная история Анны Карениной*» станет лучшим выбором для тех, кто хочет вернуться к старой доброй классике и отвлечься от безумия сегодняшнего дня.

Ганна Павловская

Библиография:

BASINSKIJ, P. V. (2022): «*Podlinnaja istorija Anny Kareninnoj*». Moskva. <<https://www.litres.ru/pavel-basinskiy/podlinnaya-istoriya-anny-kareninoy/>>. [online]. [cit. 28.09.2022].

<https://doi.org/10.5817/NR2022-2-7>

Dostojevskij: pro, nikoli proti

ČERVINSKAJA, O., DZYK, R.: *Dialog: Pro (za) F. M. Dostojevskogo*. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2021. 356 s. ISBN 978-83-66597-27-3, ISSN 2720-4316.

Dvě Dostojevského výročí (1821–1861) v roce 2021 vyvolala v život stovky, možná i tisíce různých reakcí, publicistických, esejistických, polemických (například i v souvislosti s válečnými událostmi ve východní Evropě se v něm hledaly kořeny ruského imperiálního myšlení), ale i ryze vědeckých. Když mluvíme o české rusistice, nelze pominout – mimo jiné – také speciální číslo časopisu *Slavica litteraria*, který vydává Ústav slavistiky na Masarykově univerzitě a její Filozofické fakultě,¹ kam

1 Speciální číslo *Slavica Litteraria* 2022, č. 1, s. 9–110, o F. M. Dostojevském. Viz naši úvodní studii *Několik úvodních slov a reflexí k dvojímu výročí F. M. Dostojevského (1821–1881)*. *Slavica litteraria* 2022, č. 1, s. 9–14. L. Heller, R. Mnich: *Разговор о Фёдоре Достоевском*; Olga Tabachnikova:

přispěli i oba autoři přítomné publikace, kteří svou knihu nazvali polemicky vůči klasické publikaci Viktora Šklovského *Za i protiv: zametki o Dostojevskom* (Moskva 1957).

Rozsáhlá, doširoka rozvětvená monografická studie pokrývá čtyři základní okruhy. První se nazývá *Obščije kontury* a obsahuje pozoruhodnou studii o tvůrčí metodě Dostojevského a praxi překládání. Autoři sledují vydávání překladu Evženie Grandetové, čerpající také z Alfreda Bema a jeho pozdních ruských vydání (původní vyšly v Praze). Ukazují, jak se stopy poetiky Honoré de Balzaca (který, jak známo, byl spojen s územím dnešní Ukrajiny, kam jezdil za polskou statkářkou Ewelinou Hańskou, roz. Rzewuskou, 1805–1882, která si ho nakonec vzala – je pohřbena na známém pařížském hřbitově Père Lachaise – a snil o tom, že by se jako monarchista a obdivovatel ruské autokracie stal carovým ministrem), jež míří právě k jeho překladatelské práci na Balzacově románu. Autoři v závěru mluví o sentimentalisticko-romanticko-realistické syntéze v díle Dostojevského, která vede k jeho představě „realismu ve vyšším/nejvyšším slova smyslu“, ale spíše bych řekl, že jeho dílo není ani tak syntézou těchto poetik jako spíše – na rozdíl od Balzaca, který překonává vliv preromantismu a romantismu, např. gotického románu, viz Charles Robert Maturin a jeho *Poutník Melmoth* (*Melmoth the Wanderer*, 1820) – obrovským průnikem všech těchto přístupů, jichž autor využíval např. v polemice s naturální školou v *Chudých lidech*, již volbou epistulárnosti, tj. s raným ruským realismem, a podobně překonával realismus ve všech svých románech, zejména v „kosmickém románu“ *Bratři Karamazovovi*. Řekl bych tedy, že zásadní byla Dostojevského romantická poetika nebo její principy, které se prosazovaly v polemice, jakési jednotě celého díla, až nakonec vyvěřely v blízkosti moderny, jež má, jak známo, romantický základ. Sluší se asi také připomenout, že autor, jenž Poláky kritizoval a ukazoval je jako Velkorus spíše v negativním světle, byl silně ovlivněn svým přítelem z mládí, rusifikovaným Polákem, rodákem z Voroněžské gubernie, Ivanem Nikolajevičem Šidlovským (Szydłowski, 1816–1972), jenž mu ukázal krásu romantismu, sám básník, ale paradoxně také úředník ruského ministerstva financí. V tomto případě je překlad Balzaca ještě významnější, než by se zdálo, i když na cestě k vrcholu své tvorby prošel Dostojevskij různými clonami, včetně Dickense a Thackerayho.

*Достоевский в англоязычной аудитории: опыт преподавания «Преступления и наказания» британским студентам; М. Urtinceva: Риторика Достоевского-публициста («Дневник писателя»): к вопросу о коммуникативных особенностях стиля; Červyns'ka, O., R. Dzyk: Переводческий опыт Достоевского: у истоков становления авторского метода; Stephanie Cirac: Alfred Bem sur Dostoevskij; de la biographie au dictionnaire: l'influence de la psychanalyse dans les études littéraires; Patrik Lekeš: Вопросы самоубийства в произведении Достоевского «Кроткая» (психологический подход); R. Dzyk: Вариации «мистической реальности» Фёдора Достоевского в романе *Sous le soleil de Satan* Жоржа Бернаноса.*

Další kapitola prvního oddílu *Paradigma ditja i interpretacija Dostojevskogo* ukazuje klíčový motiv, jenž jako červená nit prochází dílem autora, samozřejmě můžeme také odkazovat na Dickense, anglický dětský a námořnický román, který o sto let později na bázi dystopie varioval nositel Nobelovy ceny William Golding v *Pánovi much* (*Lord of the Flies*, 1954). Autoři vedou linii až k *Bratrům Karamazovovým*, v nichž právě Aljoša je příkladem onoho zrna podle Lukáše, které se ujme. Současně paradoxně mnišský život, jenž vede starc Zosima, ústí v to, že on sám žehná manželství – zrno, semeno (zerno, semja) se musí realizovat podle svého duálního (dvojného) určení [ČERVINSKAJA, DZYK 2021, 41]. Důraz na receptivní fázi přečtení románu se uplatňuje v další kapitole o *Výrostkovi*. Jestliže román definujeme jako zpovědní (konfesionální) – což je mimochodem zase typický romantický žánrový útvar – vylučuje jeho kritiku jako přesyceného a umělého [ČERVINSKAJA, DZYK 2021, 53]: dodal bych rozbíhavého, disperzního, neboť právě to je znakem konfesionality. S odkazem na Michaila Bachtina (teprve pohled na kulturní jevy zvnějšku, z cizího prostředí umožňuje rozkrýt tento jev hlouběji) píšou autoři o tématu Betsabé a Versilovovi (rusky zvukově jasněji: Virsavija i Versilov). Betsabé/Batšeba, hebrejsky עבשה, „dítě přísahy“ je známý starozákonní příběh, dosti využívaný v modernější literatuře, dokonce v nečekaných žánrech (viz např. jednu detektivní povídku Arthura Conana Doylea s Sherlockem Holmesem). Klíčové slovo „Virsavija“/„Betsabé“ buduje podle autorů onen horizont očekávání (Erwartungshorizont) v recepci estetiky a determinuje tvarovou podobu artefaktu. Ve *Snu směšného člověka*, který vyšel jako součást (duben) *Deníku spisovatele* roku 1877, prosvítá dialog s Goethovým *Faustem*, jenž utváří kontrapunkčnost díla. První oddíl uzavírá rozsáhlá kapitola o „normálním člověku“ podle Dostojevského. Mimo jiné s odkazem na Dmitrije Karamazova, příkladu hříšníka, ukazují autoři Dostojevského představu: normální člověk je ten, který si uvědomuje svou hříšnost a vrací se k své podstatě.

Druhý oddíl *Intertekstual'naja paradigma Dostojevskij* se dotýká problematiky, která má ovšem své předchůdce v méně sofistikovaných terminologiích a metodologiích minulosti, např. v psychologické metodě, sousloví „technologie objektivizace autorského subjektu/já“, neboť spisovatel vystupuje vzhledem k dílu v různých podobách, a to vše bylo už kdysi analyzováno. Pojetí autorů v přítomné knize je modernější, ale spíše bych řekl, že módnější: jednak vycházejí z lingvistického významu pojmu „paradigma“, tedy souhrnu všech tvarových potencií lexikální jednotky, ale také receptivní síly paradigmatu spisovatele (Dostojevskij) v textovém poli, což je zase spojuje s kdysi populární koncepcí Pierra Bourdieua související s teorií polí (théorie des champs), jež zase vychází z teorie sémantických polí (les champs sémantiques), 60. let 20. století. Možná bych viděl pozitivum tohoto autorského zájmu v paradigmatickém prolnutí vícero pojetí v jednom uzlovém prostoru.

Velmi podnětná, byť nenová, je kapitola o Dostojevském ve Francii konce 19. století: to je samozřejmě důležité. Nejen Francie, ale hlavně fin de siècle dokládají

dávno známou spojitost Dostojevského a moderny. Dostojevskij byl recipován z velkých Rusů později, pravděpodobně také „zásluhou“ jeho „nepřítele“ Ivana Turgeněva, systematického propagátora Ruska a ruské literatury ve Francii a vůbec na Západě. Nicméně, i když byl pro mladé francouzské čtenáře šokující již Lev Tolstoj s anomální strukturou *Vojny a míru*, kterou sám ani nepovažoval za román (rozhodně nejde o balzakovský typ dramatického románu), Dostojevskij byl šokem dvojnásobným, pravděpodobně i proto, že obnažoval nezbytí vnímat transcendentno v moři pozitivistické a postpozitivistické materialistické skepse až ateismu. V kapitole o modernistickém pojetí Dostojevského u Andrého Gida jde o volné pokračování předešlého, stejně jako u Georges Bernasose („mystická realita“ – „mističeskaja real'nost“). Spojitost Dostojevského a paradigmatu francouzského „nového románu“ jsou také zjevné, snad už tím, že u pramenů tohoto typu románu stála původem Ruska Nathalie Sarrautová (1900–1999), vlastním jménem Natalja Iljinička Čerňovskaja, není náhoda, stejně jako to, že kromě jejího románu, zejména *Portrétu neznámého* (*Portrait d'un inconnu*, 1948, nové vydání 1956), to našlo zřetelné vyjádření v eseji *Věk podezírání* (*L'Ère du soupçon*) v tomtéž roce 1956, kdy se objevuje nové vydání uvedeného románu. Lze říci, že takřka všichni významní a jen trochu experimentující francouzští romanopisci 40.–70. let 20. století byli Dostojevským silně infikováni. Potom pokračuje vějíř intertextuality: francouzská interpretace ruského nihilismu – Dostojevskij podle Andrého Glucksmanna (1937–2015) v *Dostoïevski à Manhattan* (2002), údajná přítomnost Dostojevského v románu Michela Houellebecqa (roč. 1956) *Možnost ostrova* (*La Possibilité d'une île*, 2005), najdeme tu i analýzu utopického modelu světového uspořádání. Zde bychom k řadě věc – zvíře – člověk – nadčlověk (vzpomeňme na Lermontovova *Hrdina naší doby* a úvodní kapitolu či povídku Bela; mohli dodat koncepci Teilharda de Chardin, o němž se kniha bohužel nezmiňuje, tedy příklad neotomismu, který vytváří podobný řetězec, ale i z jiných zdrojů mířící k jinému určení). Podobně je tomu v analogicky laděných kapitolách o antropologii. Klíčové je zde jméno Houellebecqovo a není divu: vždyť chaotičnost, z níž vyrůstá i Dostojevskij hledající po celý život zachycení a uspořádanost vyššího řádu, je charakteristická pro rodinné pozadí a život a názory tohoto francouzského spisovatele a podivuhodného filozofa (rodina se sklony k stalinismu a islámu, poněkud bouřlivý osobní život, láska ke krajnostem a propastem myšlení). Je zřejmé, že materiálová orientace autorů knihy zejména na frankofonní recepce Dostojevského má raison d'être – Francouzi – jako ostatně všichni Románi – vždy Rusko a Rusy obdivovali, včetně krajností. Dokládá to i další z nich Frédéric Beigbeder (roč. 1965).

Zájem o Haličana Bruna Schulze je z hlediska autorů jako Ukrajinců pochopitelný. Využijeme zde našeho marginálního příspěvku v internetovém časopise *Proudy*: „Pravda je, že svůj osud spojil s polštinou a polskou kulturou, po matce (jako třetí dítě Jakuba a Henrietty Schulzových z židovské rodiny) byl také německy mluvící.

Po maturitě studoval ve Lvově (Lwów, Lviv, Lemberg) na polské škole technické architekturu, ale studium pro nemoc nedokončil. Kvůli nemoci byl v době první světové války také vyreklamován z rakousko-uherské armády a strávil ji v lázních a také ve Vídni, kde se zapsal na místní uměleckou akademii (Akademie der Künste). Po návratu do Drohobyče neopouštěl území tehdejšího Polska, snad s výjimkou cesty do Paříže, Dánska a Švédska. O této cestě, podniknuté lodí ve dnech 26.–29. srpna 1936 z Gdyně, tehdejšího jediného polského přístavu jako vyústění známého koridoru k Baltu, se zmiňuje autor populární monografie Jerzy Jarzębski (roč. 1947, řádný profesor emeritus krakovské Jagellonské univerzity, znalec díla Witolda Gombrowicze, Stanisława Lema) vlastně v jedné větě životopisného přehledu [JARZĘBSKI 1999, 224]. Pohled na mapu ukazuje, že přímá cesta z Gdyně do Stockholmu nemohla přes Dánsko vést (pokud by nešlo o velkou zajížďku), zvláště když si uvědomíme délku cesty (celkem 4 dny), Danzig (Gdaňsk) bylo svobodné město. Na cestě (i tak s malou zajížďkou) je ostrov Bornholm a na něm přístav Rønne nebo event. velká odbočka do Kodaně (København/Köpenhamn/Copenhagen), jen stěží Helsingør/Helsingborg) s Hamletovým hradem Kronborgem, ale to je opravdu málo pravděpodobné. Ani moji polští a ukrajinští přátelé, odborníci na Schulze, nevěděli. Ve dnech 4.–13. října 2011 se ve Stockholmu konala výstava o Franzi Kafkovi a Brunovi Schulzovi pod názvem *Masters of the Borderlands* (potom se pod nepřilíš zdařilým modifikovaným českým názvem *Mistři pohraničí*) konala také v Praze, a to zásluhou stockholmského Židovského muzea (Judiska Muséet) spolu s Českým a Polským centrem v hlavním městě Švédského království. Epizoda se Schulzovou krátkou skandinávskou cestou by si zasloužila samostatnou pozornost a příslušné pátrání.

Také jeho styky byly orientovány na polské autory: Stanisław Ignacy Witkiewicz, Zofia Nałkowska, která mu pomohla dostat se na literární dráhu (to je také poněkud retušovaná kapitola Schulzova života související ovšem s jeho politickými názory); legendární je jeho podíl na překladu *Kafkova Procesu* do polštiny a jeho vydání, kde je uveden jako překladatel, i když hlavní osobou tu byla spíše polská překladatelka také židovského původu Józefina Szelińska (1905–1991), jejíž klíčový podíl na překladu, do něhož Schulz zasahoval vpisy a opravami, byl uznán až o řadu let později. Důležitou byla také Schulzova korespondence a kontakt se spisovatelkou a filozofkou Deborah Vogelovovou (1902–1942, byla zabita v židovském ghettu ve Lvově spolu s manželem a synem), jež ve Vídni studovala filozofii (doktorát získala disertací o Hegelově vlivu na estetiku Józefa Kremera, 1806–1875), v Krakově polskou literaturu a ve Lvově psychologii, psala polsky, ale také v jidiš a byla aktivní sionistkou. Multinacionální a multikulturní Halič, v níž vedle různých jazyků, kultur a náboženských denominací byla klíčová židovská populace spojující tradici německou s Polskem, Ukrajinou, Ruskem a řadou národů monarchie, zejména východní Halič – právě pro svou multikulturnost – byla prostorem, kde se dařilo magické literatuře typické i pro

německo-českou Prahu (Gustav Meyrink, 1868–1932, ovlivněný atmosférou staré Prahy, člen teosofické lóže Zum blauen Stern, kde se sešel např. s Emanuelem z Lešehradu nebo Juliem Zeyerem; Franz Kafka aj.; mimochodem novější bádání i práce českých záhadologů, např. Arnošta Vašíčka, ukázaly v souvislosti s hypotézami a pokusy o dešifraci tzv. Voynichova rukopisu, na řadu tajemství spjatých s těmito osobnostmi, které asi věděly více, než se dosud předpokládalo). Magická literatura jako plod evropské moderny, která se zrodila z multikulturní atmosféry monarchie v centrech, kde se spojovala judaistická tradice a kabala s jinými denominacemi, jako byla Vídeň, Praha, Buda a Pešť, Krakov, Lvov aj., zasažená ornamentalismem a dekorativností secesního typu a kultivací tajemství, záhad, magie a mýtů, načas po vlně revolucí a převratů ve 20. století odplynula, ale znovu byla objevena za módy mytologické a magické literatury nazvané ruskými emigranty v Paříži žurnalistickým termínem „magický realismus“ a vztažené později k hispanoamerické produkci druhé poloviny 20. století. Ukázalo se, že právě vrcholy této literatury „magického realismu“ nevycházely jen z domácích tradic a kultur hispánské Ameriky, ale hlavně z čtyř středoevropské multikulturní moderny, jak přiznávají jak Jorge Luis Borges, tak Gabriel García Márquez nebo Alejo Carpentier (narodil se v Lausanne, pokládán je za kubánského spisovatele, ale je synem Francouze a Rusky), tedy z poetologického podloží, jež spoluvytvářel i Bruno Schulz.“ [POSPÍŠIL 2020a].

Spojitosť Schulze a Kafky je frapantní o to více, že jméno Franze Kafky v knize nenajdeme a to je zase erbovní české téma: oba autoři tvořili na hraně různých prostředí, v nichž se Dostojevského hledání aplikovalo poměrně snadno. Snad se příště autoři na tuto problematiku zaměří více, když už u nás máme skvělé příklady Františka Kautmana (1927–2016) v knihách *F. X. Šalda a F. M. Dostojevskij* (Academia, Praha 1968), *Literatura a filosofie* (Svoboda, Praha 1968), *Dostojevskij, věčný problém člověka* (Samizdat, 1976, později např. Academia, Praha 2004) *Svět Franze Kafky* (Torst, Praha 1990) a *Franz Kafka* (Rozmluvy, Praha, 1992) a Slovák Andreje Červeňáka (1932–2012), autora knih *Človek v literatúre: Dostojevskij a súčasná literárna veda*. (1. vyd., Slovenský spisovateľ, Bratislava 1986) a *Tajomstvo Dostojevského: F. M. Dostojevskij v recepcii*. (Nitra 1991). Podobně překvapuje absence Oswalda Spenglera, jenž souvisí s některými tématy ruského kulturního paradigmatu, ale také s kapitolou o Dostojevském jako historiografovi v *Deníku spisovatele*.² Zde jde zejména o Dostojevského postoj k balkánské válce let 1876–1877 a k postavě generála M. G. Čerňajeva. Viděl bych *Deník spisovatele* a Dostojevského jako historiografa coby stěžejní, klíčovou otázku jeho tvorby, dokonce bych řekl jako centrum jeho tvorby a výběžek jeho postavení na hraně belles lettres a věcné literatury (Sachliteratur). O tom ostatně pojednává nitranská a brněnská rusistka a germanistka Lenka Odehnalová (Paučová) ve své

2 Viz naši stať v spenglerovském sborníku: [POSPÍŠIL 2020b, 122–151].

objevné disertaci, která vychází jako knižní monografie [ODEHNALOVÁ 2022]. Kapitola o Dostojevském v ukrajinské literární vědě potvrzuje známou skutečnost, že východoslovanské literatury vytvářely rozsáhlý vzájemně propletený komplex a dílo Dostojevského – nehledě na všechny protikladnosti nebo právě proto – stojí ve středu ukrajinské recepce ruské literatury. Kniha dvou bukovinských literárních vědců z Černovic je komplexní v tom smyslu, že sestavuje různé náhledy, průzory a sondy související s dílem Dostojevského, aniž by usilovala o monografickou syntézu: především je zde Dostojevského dílo jako objekt intertextuality, jako průsečík minulosti a současnosti a jako permanentní nositel a šířitel poetologických impulsů světové literatury.

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

JARZĘBSKI, J. (1999): *Bruno Schulz*. Wrocław.

ODEHNALOVÁ, L. (2022): *Dostojevského Deník spisovatele v kontextech a konfrontacích*. Brno (v tisku).

POSPÍŠIL, I. (2020a): *Bruno Schulz: několik marginálií a souvislostí*. *Proudy* 2020, č. 2, <https://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/materialy/2020/2/pospasil_schulz_marginalia.php#articleBegin>. [online]. [cit. 25.08.2022].

POSPÍŠIL, I. (2020b): *Osva'd Špengler i češskij kontekst (marginal'nyje zametki)*. In: BLAŠKIV, O., MNICH, R. (red): *Osva'd Špengler i slavjane*. Siedlce, s. 122–151.

<https://doi.org/10.5817/NR2022-2-8>

Publikace zaplňující mezeru

ULBRECHTOVÁ, H., VLČEK, R. (eds): *Poloostrov Krym: od křižovatky kultur k ruské kolonii: Řecko – Řím – Byzanc – Osmanská říše – Krymský chanát – Ruské impérium – Sovětský svaz – Ukrajina – Ruská federace: kolektivní monografie*. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2022. 382 s. ISBN 978-80-86420-85-1.

Recenzované publikaci patří jedno klíčové prvenství – jedná se o první českou obsáhlou publikaci o kultuře, dějinách a vnímání Krymu v ruském a ukrajinském prostředí. Česká věda není samozřejmě natolik personálně široká, aby mohla publikačně pokrýt současný svět v jeho celistvosti. To ostatně ani nikdy nebylo jejím

úkolem. Nicméně po roce 2014, kdy Rusko anektovalo Krym, a od té doby následně trvaly boje na východní Ukrajině, se Krym objevoval v českých médiích (zpočátku více, později méně). Jednalo se o přirozenou potřebu se vyjádřit k otázkám a tvrzením, která geopolitická situace na východě Evropy vyvolala. Zejména pak šlo o odpověď na otázku, do jaké míry je Krym „ruský“, tj. do jaké míry Rusku vzniká „historické“ právo nebo snad dokonce nárok na toto území (samozřejmě tu hovoříme pouze o hypotetickém „historickém“ právu, neboť z hlediska mezinárodních úmluv je situace jasná). Tyto texty, publikované povětšinou na internetu, mnohdy s dějinami nakládaly volně, zjednodušovaly je, vybíraly si z nich jen část faktů, které navíc interpretovaly bez znalosti dobových souvislostí. Ovšem toto běžný čtenář mohl odhalit jen obtížně, když v češtině neexistovala žádná odborná kniha o dějinách a kultuře Krymu. Je až s podivem, že žádné z českých nakladatelství doposud nenechalo přeložit jednu z mnoha současných prací v angličtině nebo němčině o Krymu. A tak onu dlouho trvající mezeru zaplňuje recenzovaná publikace. Když ji autoři na přelomu roku 2021 a 2022 finalizovali nemohli tušit, jak moc se na konci února 2022 tato publikace stane aktuální.

Publikace připravená autorským kolektivem pod vedením Heleny Ulbrechtové a Radomíra Vlčka vznikala v rámci a díky podpoře Akademie věd a její Strategii AV21 – Evropa a stát: mezi barbarstvím a civilizací a navazuje na několik aktivit realizovaných v době od roku 2017. Proto musíme doplnit tvrzení, že anotovaná publikace je zcela první. Už v roce 2019 se objevila v češtině menší brožura s anotacemi příspěvků z mezinárodní konference konané v roce 2017 k tématu Krymu a v roce 2020 popularizační publikace Heleny Ulbrechtové *Fenomén Krym: bájná Taurida, nebo sovětský ráj? Po stopách historické a literární paměti poloostrova* [ULBRECHTOVÁ 2020]. Kniha *Poloostrov Krym: od křižovatky kultur k ruské kolonii* cílí především na odborného čtenáře. Jedná se o kolektivní monografii, nicméně v tomto případě jde o kolektivní monografii mající velmi blízko ke sborníku, neboť jednotlivé příspěvky nejsou vzájemně propojeny, navazují na sebe jen nepřímo a pouze díky společnému zastřešujícímu tématu zmíněného poloostrova. To má své výhody v tom, že dává možnost jednotlivým autorům soustředit se na vlastní text a neřešit případné překryvy či naopak bílá místa vznikající mezi jednotlivými částmi monografie. Nevýhodou pak je disparátnost celé publikace, která sice nevadí odborným čtenářům, leč může být odrazující pro běžného čtenáře, který hledá knihu svých charakterem podobnou např. dějinám jednotlivých států jaké nabízejí vydavatelství Libri či Nakladatelství Lidové noviny.

Základ publikace tvoří dva příspěvky Heleny Ulbrechtové a text Radomíra Vlčka. Jen oni dva zaplnili polovinu knihy. Jejich kapitoly jsou vnitřně vyvážené, opírají se o velké množství odborné literatury, uchopují zvolené téma celistvě a neomezují se pouze na úzkou problematiku. První příspěvek publikace od H. Ulbrechtové je

upravenou verzí její popularizační příručky [ULBRECHTOVÁ 2020]. Text v líčení historických souvislostí i ruských mýtech o Krymu vychází z publikací Kerstin Susanne Jobstové, která se intenzivně zapojila do projektu vedeného H. Ulbrechtovou a stala se jeho mentorkou, a tak je její vliv pochopitelný. Text R. Vlčka nazvaný *Krym pod ruskou nadvládou* líčí kontroverzní Chruščovův dar Ukrajině v roce 1954, zachycuje potýkání se staroruského státu s kočovníky, kteří obývali území Krymu, ruské aspirace ovládnout Krym a pobřeží Černého moře, až po jeho ovládnutí v roce 1783 a jeho existenci jako součásti ruského státu a následně Sovětského svazu až po jeho předání Ukrajině Chruščovem. Texty Ulbrechtové a Vlčka se vzájemně doplňují, někdy se ve výkladu dublují, oba se jen velmi stručně dotknou fenoménu Potěmkinových vesnic, což je škoda, protože se jedná o téma opředené mnoha mýty a polopravdivými tvrzeními. Na obou příspěvcích se ukazují silná i slabá místa kolektivních monografií, které sice říkají mnoho, ale nejsou uceleným a jednotným výkladem, a kde je nakonec každý příspěvek „sám za sebe“. Je tedy velká škoda, že uvedené dvě kapitoly s kulturně-historickým a historickým zaměřením nebyly spojeny a sloučeny do jedné kapitoly, čímž by vznikly ucelené české stručné dějiny Krymu a s přesahy k v mýtům o Krymu.

Vůbec nejdelší (a nutno říci, že také nejlepší text knihy) představuje další kapitola z pera Heleny Ulbrechtové *Krym v ruské literatuře*. Zatímco u jejího prvního textu je tu a tam zřetelné, že autorka není historička a někdy tak pro starší dějiny přebírá z literatury tvrzení, která by měla být formulována méně rigidně, v textu o Krymu v ruské literatuře je navýsost patrné, že Ulbrechtová je výborná literární vědkyně. A též je tu zřejmý vliv německé současné literární vědy, o níž se autorka konceptuálně opírá. S jistotou (a jen dobře míněnou) nadsázkou lze říci, že je autorce vlastní i německá systematická a přesnost. Pracuje velmi precizně – tak jak to u ní známe z dalších textů – jasně stanovuje koncept, metodologii a pak analyzuje zvolený materiál. Její text je plynulý a čtivý, zároveň fundovaný a objevný, a to v kontextu ruské i širší evropské slavistiky. Silně kontrastně pak působí následný text Miroslava Olšovského *Masakr letoviska Krym*, který se věnuje stejnému tématu, byť nevolí stejný materiál a přistupuje k němu jinak, ale opět se tu hovoří o Krymu v ruské literatuře, leč příspěvek postrádá konceptuální ukotvenost kapitoly H. Ulbrechtové. I zde se nabízelo propojení obou textů do jednoho. Ostatně Ulbrechtová ve svém textu vytyčila pět různých pojetí Krymu v ruské literatuře, Olšovského pojetí odvrácené strany imperiálního mýtu mohlo být šestým.

Další texty knihy jsou ve srovnání s kapitolami Ulbrechtové a Vlčka kratší a též tematicky užší, což potrhuje námi výše zmíněný dojem disparátnosti celé publikace. Martina Čechová se vrací do doby rané středověku a věnuje se dobovému obchodu s hedvábím a pozici krymského Chersonésu v něm. Dvě studie zahrnují uchopení Krymu ukrajinskou literaturou – Radana Merzová tak činí na materiálu ukrajinských modernistů a Helena Pazdiorová pracuje s díly současných ukrajinských básníků.

Publikaci uzavírá text Radomyra Mokryka, který shrnuje obraz Krymu na vybraných ukrajinských a ruských zpravodajských webech.

Názvem naší recenze jsme dali najevo, že daná publikace zaplňuje zjevnou mezeru. Zároveň je třeba říci, že ji nezaplňuje zcela, to snad ani jednou publikací není možné. Nelze autorům vytýkat, že zvolili cestu kolektivní monografie se všemi jejími výhodami i úskalími. Ne vždy je věda u nás financována a organizována tak, aby umožňovala vytvoření týmu, který by mohl zpracovat monografii ve vlastním slova smyslu. Je to však škoda, protože připravené texty dávaly možnost vzájemného propojení. Jak už jsme uvedli, toto postesknutí nemíří proti autorům, nicméně je otázka, zda se naskytne příležitost k vytvoření takové publikace českými badateli, nebo zda bude záležitost řešena překladem některé z mnoha zahraničních publikací.

Josef Šaur

Bibliografie:

- ULBRECHTOVÁ, H. (2020): *Fenomén Krym: bájná Taurida, nebo sovětský ráj? Po stopách historické a literární paměti poloostrova*. Praha.
- ULBRECHTOVÁ, H., VLČEK, R. (eds). (2022): *Poloostrov Krym: od křižovatky kultur k ruské kolonii: Řecko – Řím – Byzanc – Osmanská říše – Krymský chanát – Ruské impérium – Sovětský svaz – Ukrajina – Ruská federace: kolektivní monografie*. Praha.

<https://doi.org/10.5817/NR2022-2-9>

Odešel doc. PhDr. Aleš Brandner, CSc. (31. 12. 1944 – 1. 3. 2022)

Počátkem jara letošního roku postihla českou rusistickou obec citelná ztráta: 1. března nás navždy opustil významný brněnský rusista a slavista doc. PhDr. Aleš Brandner, CSc.

Aleš Brandner zasvětil celý svůj profesní život Masarykově univerzitě: v roce 1968 na Filozofické fakultě tehdejší Univerzity Jana Evangelisty Purkyně absolvoval obory ruština a čeština a od r. 1972 tam působil jako vysokoškolský pedagog. Šíře jeho odborných zájmů byla nebývale široká: zahrnovala jak současnou, tak historickou mluvnici ruštiny, dějiny spisovné ruštiny i dějiny ruské a slovanské jazykovědy. V počáteční fázi vědecké dráhy A. Brandnera ovlivnil formování jeho badatelské orientace zejména jeho školitel v aspirantuře prof. Roman Mrázek, pod jehož vedením A. Brandner obhájil v roce 1984 kandidátskou disertaci z oblasti srovnávací fonologie. Později se jeho badatelský zájem stále zřetelněji přikláněl k diachronnímu zkoumání ruštiny v širokých východoslovanských souvislostech. Zabýval se také popisem současného stavu a aktuálních vývojových tendencí morfologické soustavy ruštiny s dílčími historickými a komparačními aspekty v rusko-českém srovnávacím plánu. V centru jeho odborného zájmu v této oblasti byl především

analytismus pojmenování reprezentovaný nesklonnými substantivy přejatými ze západních jazyků, opomenuta nezůstávala ani slovesa, k jejichž výzkumu přistupoval v historické perspektivě porovnání s výchozí situací v praslovanské. V posledních letech se věnoval rovněž syntaxi. Svou lingvistickou erudici propojoval se znalostmi didaktické problematiky sledovaných témat, takže výsledky bádání úspěšně využíval také při výuce studentů ruské filologie; pomocí historického výkladu gramatických jevů jim např. dokázal osvětlit některé tvarové anomálie. A. Brandner za sebou zanechal úctyhodný bibliografický soupis prací, jimiž si získal renomé nejen mezi našimi rusisty a slavisty, ale i v zahraničí. Nezanedbatelné je také jeho působení v nejrůznějších administrativních funkcích v akademické obci, v oborových komisích a redakčních radách odborných časopisů (podrobněji o vědeckopedagogické činnosti A. Brandnera viz v medailonu J. Gazdy ve čtvrtém čísle časopisu *Opera Slavica* z r. 2014).

Úzká spolupráce doc. Brandnera s námi, rusisty Katedry slavistiky Filozofické fakulty Palackého univerzity v Olomouci, se datuje od počátku 90. let, kdy k nám doc. Brandner začal společně s prof. Stanislavem Žažou dojíždět jako externí člen oborové rady pro ruský jazyk. Všechna zasedání se účastnil s pedantickou přesností, snad ani jednou nevynechal. V rámci doktorského studijního programu zde přednášel i zkoušel historickou mluvnici ruštiny a aktivně

se účastnil všech dílčích i státních doktorských zkoušek a obhajob disertačních prací. Nikdy neodmítl žádost o posudek či jiné odborné dobrozdání. Díky této jeho činnosti jsme ho my, olomoučtí rusisté, mohli lépe poznat a pro jeho kolegiálnost, vstřícnost a jemný humor jsme si ho oblíbili.

Muž majestátní postavy, vždy vybraně oblečený, zdánlivě suchar, ve skutečnost člověk s vytříbeným smyslem pro humor, který dovedl své okolí bavit historkami z akademického života i zahrnovat zajímavými informacemi zejména o svém rodném městě. Jako hrdý brněnský patriot byl studnicí informací o Brně a jeho okolí. Při našich pracovních návštěvách Ústavu slavistiky FF MU nás např. cestou na oběd seznamoval s významnějšími budovami i památkami města, s osudy jeho obyvatel, nebo doporučoval místa pro dovolenou. Třebaže neměl vlastní rodinu, nebo právě proto, byl společenský, živě se zajímal o zážitky rodin svých kolegů, možná i proto se rád a hojně účastnil různých rusistických i slavistických akcí u nás i v zahraničí, kde měl všude přátele. Další hezké vzpomínky na něho se váží k našim společným cestám do zahraničí na různá symposia nebo konference, kdy byl ve vlaku vždy příjemným společníkem a vypravěčem.

Kolegové a přátelé se s doc. Brandnerem naposledy rozloučili ústy jeho žáka a pozdějšího dlouholetého spolupracovníka na Ústavu slavistiky Masarykovy univerzity doc. Jiřího Gazdy 10. března 2022 v obřadní síni brněnského krematoria. Aleš Brandner bude české slavistice

chybět nejen jako kolega rusista, ale i jako dobrý a laskavý člověk.

Helena Flídrová, Zdeňka Vychodilová

<https://doi.org/10.5817/NR2022-2-10>

Алла Владимировна Злочевская: жизнь как подвиг

2 мая 2022 г. скончалась старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук Алла Владимировна Злочевская. Она родилась в Москве 10 ноября 1951 г., закончила филологический факультет МГУ, затем аспирантуру, защитила кандидатскую и докторскую диссертации. Все это она совершила прикованной к инвалидной коляске после перенесенного в детстве полиомиелита. Талантливый исследователь, она писала свои работы, преодолевая боль и преодолевая препятствия, вела активную переписку с коллегами, участвовала в международных конференциях, редколлегиях научных сборников и журналов.

Ее теоретические труды, посвященные мифопоэтической метапрозе («Три лика мистической метапрозы XX в.: Г. Гессе — В. Набоков — М. Булгаков», 2016; «„Мистическая метапроза“

XX века: генезис и метаморфозы (Герман Гессе — Владимир Набоков — Михаил Булгаков)», 2019 и 2021), разным аспектам истории русской литературы XIX–XX вв. и литературоведческой русистике Чехии и Словакии снижали ей авторитет и признание как в России, так и за рубежом. Об этом свидетельствуют, в частности, высокий индекс цитирования и награда в номинации «монографии» на «Конкурсе работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета» (2021). Общее количество публикаций А. Злочевской приближается к двумстам. Увлечшись творчеством Достоевского в юности (кандидатская диссертация *«Специфика выражения субъективно-авторского начала в романах Ф. М. Достоевского»*, 1982), исследовательница сохраняла интерес к творчеству писателя до конца жизни, состояла членом Международного Общества Ф. М. Достоевского. Ее последняя опубликованная при жизни статья — *«Парадоксы русского Эроса в романе Ф. М. Достоевского „Идиот“»* (*«Филологические науки»*, 2022, № 1). Алла Владимировна много и плодотворно занималась вопросом всеобъемлющего влияния, которое этот писатель оказал на русскую литературу XX века, в том числе на В. Набокова (*«Ф. М. Достоевский — писатель, предсказавший поэтику литературы XX в.?»* (*«Филологические науки»*, 2015, № 4)). Докторская диссертация *«Художественный мир В. Набокова и русская литература*

XIX в.: генетические связи, типологические параллели и оппозиции» (2002) и монография *«Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века»* (2002) рассматривали проблему традиции, раскрывали богатый художественный подтекст произведений Набокова, его глубокие связи с русской классической литературой.

А. Злочевская обладала широким кругом научных интересов. Она была самым авторитетным специалистом в нашей стране в области чешской и словацкой литературоведческой русистики, автором большого количество статей, составителем аннотированных библиографий и разделов в учебных пособиях. Чешский язык она освоила в детстве, когда находилась на лечении в тогдашней Чехословакии, и сохранила любовь к языку и культуре страны. Природный такт и обаяние, высокий профессионализм помогали А. Злочевской устанавливать и поддерживать сотрудничество с учеными многих научных центров Чехии и Словакии. Исследования М. Микулашека, М. Заградки, Д. Кшицовой, А. Червеняка, И. Поспишила, З. Пехала, и мн. др., были систематизированы и представлены ею российскому читателю в статьях (*«Изучение русской классической литературы в Чехии и Словакии (1980-е годы)»*) и рецензиях. В последние месяцы жизни она работала над материалом в честь юбилея крупного чешского ученого Иво Поспишила.

Статьи А. Злочевской печатали такие авторитетные журналы, как «Вопросы литературы», «Русская литература», «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», «Филологические науки», «Русская словесность», «Studia Slavica Hungarica», «Opera Slavica», «Nová rusistika», «Ros-sica Olomucensia» и др. Она была уникальной личностью, чрезвычайно отзывчивой и доброжелательной. Вечная память яркому ученому и выдающемуся человеку Алле Владимировне Злочевской!

Алла Шешкен

<https://doi.org/10.5817/NR2022-2-11>

Tři zastavení s Jaroslavem Vávrou (21. 3. 1930 – 27. 8. 2022)

Jsou tomu dva roky, co si literárněvědná a pedagogická veřejnost připomněla devadesáté narozeniny našeho předního znalce ruské poezie 20. století, literárního vědce a vysokoškolského pedagoga, PhDr. Jaroslava Vávry, CSc. Bylo napsáno mnohé o přínosu této osobnosti naší literární vědě. V srpnu letošního roku nás Jaroslav Vávra navždy opustil. Odešel jeden z posledních představitelů silné generace uznávaných rusistů, kteří působili v druhé polovině 20. století a na počátku nového milénia.

Vávřův vědecký a pedagogický přínos byl a bude jistě předmětem dalšího zkoumání. Měřítkem velké osobnosti však

není jen počet stran naučných pojednání, není jím jen počet citací v recenzovaném tisku, ani počet semestrů, které odučil, a množství konferencí a kongresů, kde vystupoval. Každá velká osobnost zanechává ve svém publiku vždy hlubší stopu, nežli data, jejich interpretace a poučky. Působení silných osobností vždy představuje i hlubší přesah do myslí, citů a konání lidí, kteří se s nimi setkají. A právě takovou osobností Vávra byl.

Poprvé jsem se s Jaroslavem Vávrou setkal coby student literatury v polovině 70. let minulého století v rámci úvodního semináře literární vědy. Jako mladý namyšlený frajírek jsem si vybral k studiu „přečtené literatury“ obsáhlý seznam, kde převažovala poezie. Myslel jsem si naivně, jak jsem na to vyzrál, protože poezie je kratší nežli próza a nebudu muset trávit spoustu času čtením tlustých knih. Stačil však jeden seminář a byl jsem vyveden z omylu. Od Vávry jsem se naučil, jak hutná dokáže být poezie, kolik významů, obsahů, nuancí a emocí se skrývá v několika řádcích, jak těžké a zároveň uchvacující může být vnímání a prožívání poezie, že poezie není nic povrchního, že vyžaduje velké úsilí, zkušenosti, čtenářskou pokoru, nepředstíranou vnitřní kázeň, citlivost a vnímavost zároveň. Naučil jsem se, že stačí pár veršů, aby vyjádřily to, co jinde třeba celý svazek řeči vázané. Poznal jsem, že na čtení poezie je třeba víc času a snahy, nežli u prózy. Naučil jsem se poezii číst, rozumět jí a milovat ji. Bylo to proto, že Vávra sám poezii miloval a miloval své studenty a dokázal je pro

svou vášeň získat. A právě proto studenti milovali jeho.

Druhým obdobím, kdy Jaroslav Vávra ovlivnil můj nejen vědecký a pedagogický život, bylo naše společné působení na literárněvědném oddělení katedry rusistiky FF UK. To jsme již vedli debaty zejména nad poezií ruskou. Nezapomenutelné byly naše debaty nad mnohovrstevnatostí a neobvyklou rozmanitostí ruské poezie. Stále znovu a znovu jsme prozkoumávali fenomén velice bohaté, plastické a stylisticky pestré mnohaúrovňové ruštiny jak stvořené pro poezii. Odhalovali jsme, jak k fenoménu ruské poezie přispívá velká slohová rozmanitost, obraznost, frazeologie a idiomatičnost stejně jako pohyblivý přízvuk, redukce výslovnosti a celkem volná stavba vět i další vlastnosti, které z ruštiny dělají jazyk jak stvořený pro poezii a uměleckou prózu. Zkoumali jsme, jak to vše dává ruské poezii schopnost strhujícím způsobem zobrazit nebývale obrovskou obsahovou škálu, navíc podanou čtenáři a posluchači přirozeným tokem řeči zvýrazněné přízvuky, intonací, melodičností. Vávra mě naučil, jak velkým dobrodružstvím může být zkoumání literatury, jak nezbytné je však také znát vlastní řemeslo, kterým je vázána poezie a vůbec literatura. Hloubka bedlivého zkoumání matérie a ovládnutí řemesla bylo to, co mě Vávra tehdy naučil.

V polovině 90. let se naše profesní dráhy částečně rozešly. Zůstalo však přátelství. Bylo to období pro mne neměnně důležité. Poznal jsem za ono poslední čtvrt století, že osobnost – natož

vědeckou a pedagogickou – netvoří jen hloubka odborných znalostí, ale že ke každé osobnosti patří i velká lidskost a pokora, že veškeré školometství a poučování je kontraproduktivní úspěchu dobrého učitele. Jaroslav měl obrovský zájem o život kolem sebe, sledoval dění u nás i ve světě, byl pořád obklopen přáteli, staral se do posledních chvil aktivně o rodinu, o domácnost své dcery a vnoučat. Žil duchem stále mladým. Byl obdařen úžasnou pamětí, velkým vypravěčským talentem, měl skvělý smysl pro humor a krásně zpíval a recitoval spatra své milované básníky i poezii lidovou... Do posledních dnů se účastnil debat, scházel se s přáteli, četl, vedl Českou asociaci rusistů, tvořil odborné recenze, předával své zkušenosti, radil mladším kolegům, byl stále aktivní... zkrátka měl velký lidský přesah nad rámec samotné vědy. Byl to slušný, vlídný, přátelský a komunikativní člověk. Vše, co říkal a dělal, bylo autentické a přesvědčivé. Proto jeho odchod poznamenal nás všechny, kteří jsme ho znali. Proto nezemřel sám. Zemřel tak, jak všichni doufáme – obklopen milující rodinou a přáteli, v nichž zůstal vězet navždy kus jeho osobnosti.

Michail Odarčenko

<https://doi.org/10.5817/NR2022-2-12>

Památce Sergeje Makary

V srpnu 2022 zemřel ukrajinský a slovenský básník, literární vědec a překladatel, člen Spolku slovenských spisovateľov

doc. PhDr. Sergej Makara, PhD. (6. 5. 1937 – 9. 8. 2022). Poslední rozloučení se konalo 13. srpna tohoto roku na hřbitově v Liptovském Petru.

Nebudu opakovat to, co v prvním nekrologu napsal čestný předseda Spolku slovenských spisovatelů Jaroslav Rezník. Jednak jsme zesnulého znali každý v jiné době a já určitě mnohem méně než autor nekrologu, jednak nehodluji spisovatelskému životu, neboť sám nejsem spisovatel v tom smyslu, jaký jediné jako autor čtyřiceti literárněvědných knih uznávám: tedy autor krásné literatury, nikoli novinář, esejista nebo literární vědec. Makara byl v tomto smyslu vlastně tím vším. Makaru tu beru především jako literárního vědce, ale nemohu pominout ani jeho dominantní úsilí básnické, prozaické a publicistické

na hraně několika světů: slovenského, ukrajinského, ruského a běloruského: do všech těchto kulturních sfér zasahoval. Tak jsem ho krátkou dobu, a byla to přirozeně zcela jiná doba než ta dnešní, kdy jsme se pracovně i soukromě stýkali, tj. na počátku 21. století, poznal v Banské Bystrici a uviděl jsem ty hodnoty, jimiž se stal známým: síla přesvědčení, bojovnost, mravní čistota (pokud něco takového může vůbec být lidskou vlastností), tedy charakternost, dnes tak vzácná, přímost, jasné představy: proto také jeho život byl plný protivenství před i po roce 1989. Základní školu navštěvoval na východě Slovenska v obci Volica, maturoval na ukrajinské střední škole v Medzilaborcích a potom vystudoval Vysokou školu pedagogickou v Prešově (absolvoval 1958). Byl postupně středoškolským profesorem (Sabinov), později odborným asistentem na Pedagogickém institutu v Martině a na Pedagogické fakultě v Banské Bystrici. Rigorózní práci obhájil na Univerzitě Komenského v Bratislavě a získal titul PhDr. (1969); zde také dokončil i vědeckou aspiranturu, ale k obhajobě kandidátské disertace *Romantičeskoje i realističeskoje v tvorčestve V.F. Odojevskogo* už nebyl z politických důvodů připuštěn. Jako rusista se soustředil především na staroruskou a ruskou klasickou literaturu. Rok 1968 a jeho události byly pro něho osudné: z fakulty musel odejít a pracoval v Státních lesích a na stavbách v Banské Bystrici, v polovině 80. let 20. století, kdy se politická situace v Československu postupně liberalizovala, se stal redaktorem

a posléze vedoucím redaktorem v Slovenské literární agentuře v Bratislavě.

Z jeho básnické tvorby uvedme alespoň *Osajana junist* (Osvětlené mládí, 1958), *Zrostaňja* (Růst, 1961), *Na krylach junosti* (Na křídlech mládí, 1964), *Šukaju sebe* (Hledám sebe, 1967), *Sovist* (Svědomí, 1970), *Na riznych strunach* (Na různých strunách, 1991), *Ja vyris v Karpatach* (Vyrostl jsem v Karpatech, 2014), viz také výbor z tvorby *Žovti metamorfozy* (Žluté proměny, 1994). Překládal z ukrajinštiny do slovenštiny a naopak, psal poezii pro děti *Ščo virš – to zahadka* (Co básnička – to hádanka, 1983).

Z jeho literárněvědné tvorby uvádíme monografii *Bořba romantičeskich i realističeskich tendencij (v pervoj polovine XIX. veka)* (1993), *Garmonija v disgarmoniji* (Harmónia v disharmónii, 1997); je také spoluautorem *Slovníku ukrajinských spisovatelov Slovenska* (s Michalem Romanem, 2010). Spolu s Andrejem Červeňákem založil v Banské Bystrici vědecký tým, který se zabýval romantismem, psal o *Slově o pluku Igorově*, ale byl také bojovným publicistou: to se týkalo jak stavu současného světa, tak kultury a například financování kulturních časopisů na Slovensku (*Moloch škandalózneby byrokracie..., alebo, Ako chobotnica nekultúry likviduje kultúru*, 2020). Byl také členem Slovenského syndikátu novinářů a předsedou Nezávislého klubu diskriminovaných na Slovensku, místopředsedou výboru sekce pro původní tvorbu Slovenského literárního fondu a členem výboru Spolku ukrajinských spisovatelů na Slovensku. Řadu funkcí

vykonával takřikajíc ex offo také na svém působišti na Univerzitě Mateja Bela v Banské Bystrici, kde byl na tehdy nově založené Filologické fakultě vedoucím Katedry slovanských jazyků.

Jako literární vědec-rusista vycházel z komplexně filologických přístupů, což je vždy typické pro literární tvůrce: Makara byl jedním z nemnoha, kteří tyto dvě tvůrčí činnosti – vědu a umění – spojovali. Nejednou jsme probírali společné projekty, mezi nimi zmiňované téma romantismu, ale také Červeňákův antropologický princip v literatuře, nejednou jsem o jeho věcech psal,¹ dal jsem studii do jeho festschriftu [POSPÍŠIL 2006], on zase napsal článek k mému jubileu [MAKARA 2002], jediný kromě příspěvku v tehdejších Univerzitních novinách blahé paměti vydávaných tehdy na Masarykově univerzitě.

Strávili jsme spolu několik let na UMB v Banské Bystrici, přednášeli, buďovali, diskutovali, psali, organizovali s kolegy vědecké konference, ale také jsme se stali svědky likvidace jedné vzdělávací instituce a nemohli jsme tomu zabránit. Myslím, že Sergej Makara vše citlivě prožíval, a do budoucna se díval s hořkým optimismem. Poslední válečné události ve východní Evropě byly pro něho i velkou osobní tragédií.

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

MAKARA, S. (2002): *Blahoželanie prof. PhDr. Ivovi Pospíšilovi, DrSc. k tvorivej*

1 Např. viz naši recenzi [POSPÍŠIL 2003].

päťdesiatke. Filologická revue, 2002, č. 2, s. 78.

POSPÍŠIL, I. (2006): *Nové žánrové tvary v současné próze: prolegomena a několik příkladů*. In: *Konštanty romantizmu*

a Sergej Makara. Banská Bystrica, s. 285–299.

POSPÍŠIL, I. (2003): *Romantismus a triadickost*. Opera Slavica, 2003, č. 3, s. 54–57.

НОВАЯ РУСИСТИКА

№ **2 / 2022** (XV)

Международный журнал

современной филологической
и ареальной русистики

Web časopisu

www.phil.muni.cz/journals/novaya-rusistika

Archiv časopisu v Digitální knihovně FF MU

<https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/115644>

Redakce

Ivo Pospíšil, šéfredaktor

Lenka Odehnalová, výkonná redaktorka

Adresa redakce

Novaja rusistika

Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky

Arna Nováka 1, 602 00 Brno

E-mail: nr@phil.muni.cz

Tel.: +420 549 496 240

Redakční kruh

Ol'ha Červins'ka, Anton Eliáš, Jiří Gazda, Reinhard Ibler, Jiří Klapka,

Ol'ga Kovačičová, Mária Kusá, Aljaksandr Lukašanec, Zdeněk Pechal, Oldřich Richterek,

Lucjan Suchanek, Radomír Vlček

Vydává Česká asociace slavistů ve spolupráci s Filozofickou fakultou Masarykovy univerzity,
Arna Nováka 1, 602 00 Brno, IČ 265 92 037.

Vychází 2× ročně, toto číslo vychází v listopadu 2022.

Grafická úprava obálky a typografie Pavel Křepela

Sazba v Lua^{TeX}u písmy Linux Libertine a Source Sans Pro Zbyněk Michálek

Tisk Tiskárna Knopp, s. r. o., U Lípy 926, 549 01 Nové Město nad Metují

Náklad 110 výtisků

Časopis je evidován MK ČR pod. č. E 18201.

Časopis © Česká asociace slavistů, z. s., 2022

ISSN 1803-4950 (print)

ISSN 2336-4564 (online)

Cena jednoho čísla 130 Kč (plus poštovné a balné)